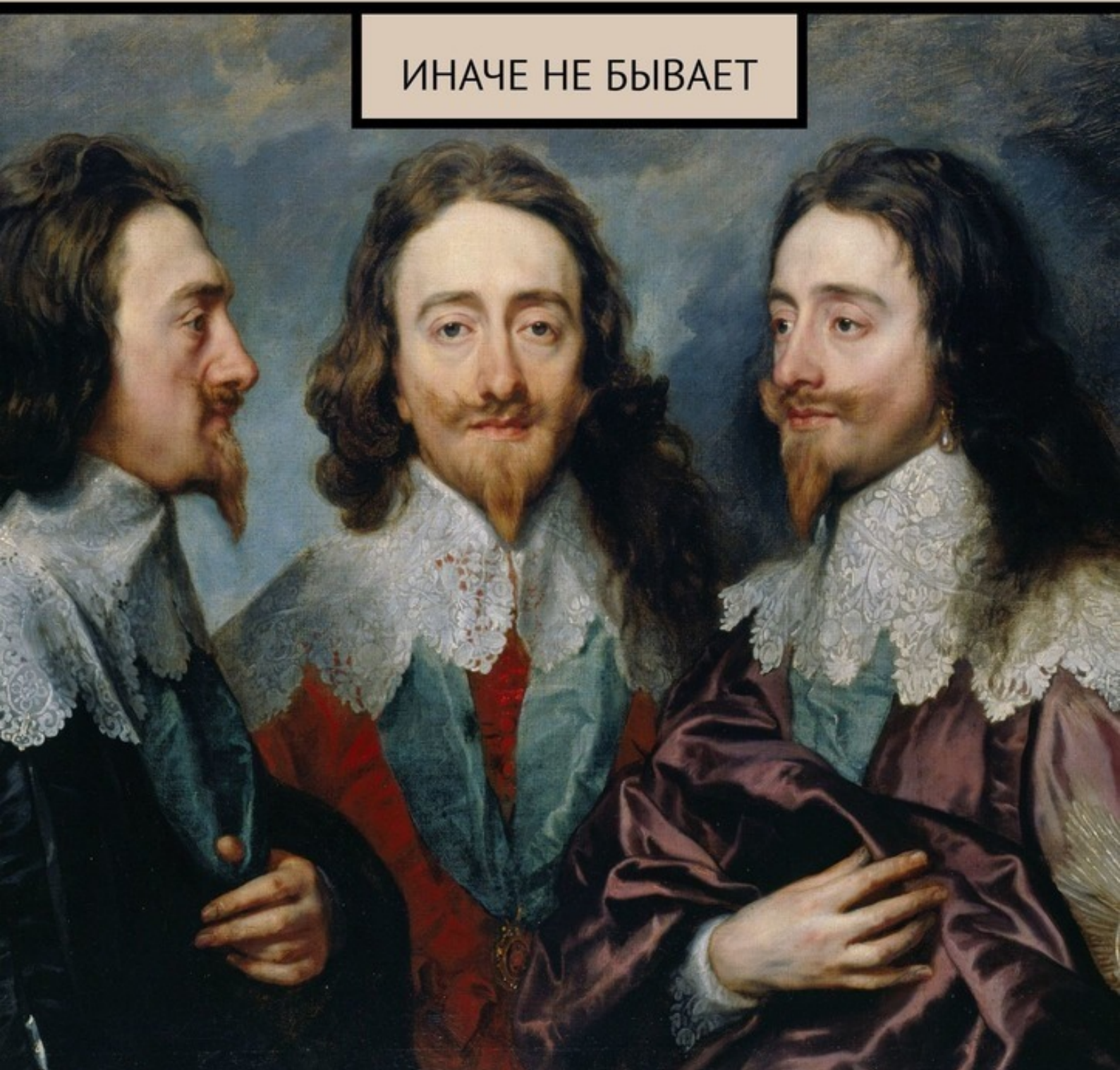

МАРИЯ БУРКОВА

Наши победы

ИНАЧЕ НЕ БЫВАЕТ

Мария Буркова

Наши победы. Иначе не бывает

«Издательские решения»

Буркова М.

Наши победят. Иначе не бывает / М. Буркова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501200-5

Эта книга рассказывает о том, что происходит сейчас — только не всем доступно понимание этого. Она показывает, чего стоит на самом деле хрупкое равновесие мира — и кто платит собой за то, чтоб оно сохранялось. А ещё здесь можно узнать, чего им это стоит — обычным людям...

ISBN 978-5-00-501200-5

© Буркова М.
© Издательские решения

Содержание

Десант в преисподнюю	6
Вечер за пять лет до миллениума	13
Спасти императора	24
1. Пытка надеждой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наши победы Иначе не бывает

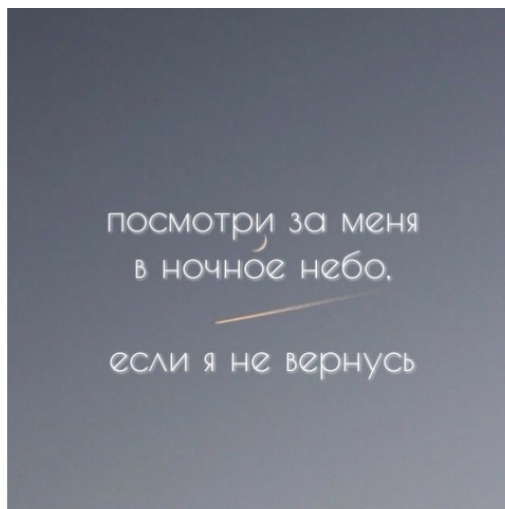
Мария Буркова

© Мария Буркова, 2019

ISBN 978-5-0050-1200-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Десант в преисподнюю

– Ты не можешь рисковать таким образом! – снова попытались проорать с другого конца планеты. – Чтобы вытащить этого парня, совокупность молитв должна быть едва ли не вековой!

– Тем или другим, но я буду, – холодно ответил в личке Сашка. – Молись посильнее, уже поздно варианты переигрывать, – и на этом капитан в отставке закрыл браузер насовсем.

Три часа ночи в новолуние над сопками были прекрасны. Золотистый серп уже зацепил кромку тёмной линии елей на вершине и резво уходил за неё в темень. Осенние звёзды дышали своим полнокупольным великолепием на всякого дерзновенного зрителя, что смел ими любоваться. Может, и к лучшему, что сейчас виден только край Галактики, тёмный хвост его разреженного звёздного полотна сходил на нет, и в дальнейшей темноте угадывалось направление на чужие галактики, откуда и пришло на Землю древнее зло под скромным обликом учёного-историка... Сколько ему там в саге, 33? Нам под полтинник скоро, но в этой жизни. Может быть, это милое обстоятельство и сыграет сегодня шутку с противником. Может, не сыграет... Сашка пролистал телефонные контакты, привычными движениями набил смс. «Сделай так, чтоб я вернулся, если сможешь» – хотя адресат был далее чем за полтыщи километров, время там было то же, однако можно было не сомневаться, что сообщение будет прочитано и принято к сведению.

Докурил, прижал окуроч в пепельнице на балконе и вернулся в кабинет на мансарде. Оставил включенным ночник в виде алого лепестка, выключив всё остальное. Опрокинул в себя ещё один бокал вишнёвки и передумал возвращаться в спальню к жене. Если он случайно окажется мёртвым в своём кресле тут – никто ничего не заподозрит, остановка сердца во сне, эка невидаль. А вот под одеялом если – сразу начнут терзать бедняжку неизбежными вопросами... Тогда зажгём просто ещё несколько свечей, и плавающие сгодятся – хрен его знает, право, когда они сторели, убрать недолго кому, а канделябром никого не удивишь у него в интерьере. Хотя если честно, Сашка был уверен, что крайностей не случится, соблюдал их только порядка ради, и даже побыстрее уложил своё рослое (под два метра) тело в мягкие подушечки качалки. Тело приняло приятную позу, так похожую на те милые ощущения, когда устраивался в теле очередной свежесобранной сушки или мигалки... Глаза пришлось прикрыть, дабы вызвать сейчас в себе эти воспоминания и без помех настроиться на искомый объект... под каким же именем его искать, надавали их там немецкие аристократы пусть не столь щедро, как сделали бы католики на другом конце планеты, но всё же? Ладно, какое придёт

на ум при контакте, тем и воспользуемся, главное попасть на нужный уровень реальности, и точно попасть...

В ушах зашумело от прилива крови – сердце начинало гонять кровь в форсажном режиме – а сознание тем временем обернулось чем-то вроде стальной птицы, которых немёрно приходилось водить в своей полностью реальной жизни... Прямой реал, как выражался Сашка сам с собой и с немногими соратниками... Потому что сейчас он был уже не один. За спиной приятно завибрировало присутствие напарника – только у этого парня тела как у Сашки уже не было... Хотя запах его тела он чувствовал почти всегда при встрече, так было и на этот раз. Плазменный кокон, в котором они сейчас оказались, Сашка по-прежнему воспринимал в удобных формах для сознания пилота истребителя – только сейчас их полупризрачный самолёт шёл куда-то очень вниз, прошивая собой пласты почвы, и было это не рядом с домом, а где-то за шесть-семь тысяч километров на запад, уже ближе к краю континента. Это не мешало им молча разговаривать – только мысль всё равно отдавалась в сознании аналогом голоса, обёрнутого в эфир локальной связи...

– Ты его видишь, Сашка? – почти шёпотом отозвался в правом ухе ровный тембр напарника, он говорил по-русски уже давно без акцента, точнее, таким его слышал этот собеседник... – Я похоже, слышу зов, он как будто ждёт нас, да?

– Хм, дружище, у меня недостаточно текущей памяти для таких данных, это скорее к тебе, ибо я не умирал и свою смерть и после не помню, но если его подружка при контакте сболтнула ему что, дескать, тебя скоро вытащат, – взялся мурчать сытым котом реальный в нашем мире пилот истребителя, – то факт спровоцировала у парня истерику такой надеждой, вот почему я и спешу. Тебе придётся делать едва ли не самую сложную работу – тащить нас наверх.

– О, ты решил лезть туда сам? Зачем? – в тембре голоса напарника в голове зазвучали нотки заметного волнения и даже обозначился слабый акцент... – Ты можешь перенапрячься и снова загреметь в кардиологию на полмесяца, а я не хотел бы...

– А тебе там и вовсе делать нечего, если это действительно владения нашего общего врага, а похоже, это так, Генри! – сурово проворчал Сашка. – Тебя он зацапает за милый мой, как едва не сделал два года назад в моей гостиной, а меня ему брать за что, если я ещё не умер? Ну не получится, так дам ему в рыло хотя бы! Хотя что там у него, рыло или рожа как у Чужого из голливудской поделки?

– Второе, но лучше не трогать, представляй его человеком, так безопаснее, если явится, – напарник даже прижался со спины чуть ошутимее, будто желал перелить часть своей плазменной мощи живому человеку, то есть той его части, что его волей сейчас была рядом. – Всё верно, у него нет прав трогать тебя покуда. Но пожалуйста, вернись живым. Нам нельзя ошибиться – тебя я смогу реанимировать в случае чего, но только тебя, больше я ни на кого не настроен уже семь лет как, – и кроме сильного чувства пения у сердца – так звучит искреннее страдание, Сашка уже отлично знал, стали слышны ноты сильного смущения, очевидно, напарник сказал сейчас нечто, что совсем не планировал.

Полупризрачная, но вполне реальная на самом деле машина с двумя пилотами остановилась на месте, словно ставший как вкопанный конь, трусивший рысью. Сашка поднялся из кресла во весь рост – сейчас потолок послушно растянулся над ним в нужном объёме... Обернулся к собеседнику, с удовольствием снова рассмотрел его – хотя источников света в кабине не было, сам воин виден был словно живой и подсвеченный изнутри, отлично видимый на тёмном фоне – для сознания Сашки. На самом деле со стороны они оба не были видны даже как две крохотных искорки в крошечном мраке ни для кого вообще – ибо очутились на одном из уровней ада, где не было никакого света. Но Генри был сейчас всё тем же, как в свои 22 – с орлиным взором стальных глаз с голубыми всполохами, с перепутанными золотыми патлами, как сказали бы через почти двести лет со дня его гибели, бледный как мел и с заост-

рившимися от волнения тонкими чертами лица. Только для габаритов Сашки он был гораздо скромнее, худощавый, до шрама на щеке ему, и выглядевший в своём чёрном с серебром мундире из канона будущих веков едва ли не мальчишкой. Настоящее произведение искусства Творца, в который раз подумал про себя Сашка, чувствуя себя сушей гориллой в камуфляже рядом с этой роскошью. Да и берцы никогда не сравнятся с сапогами офицера...

– Ты это что такое говоришь, брателла? – продолжил он мурчать с прежней интонацией, любуясь взволнованным рыцарем из прошлого. – Это, стало быть, если я кончусь, у тебя не будет куда восстановиться рухнуть? Не, я польщён доверием, но зачем так-то делать было? – сейчас важно было всерьёз не расстроиться, иначе на лице вместо благодушия может промелькнуть некая искра – а гнева Сашки даже в намёках напарник не выносил, у него начинались резкие болевые прострелы от этого. – Семь миллиардов человек на планете и мне дублёра не нашлось?

Генри стрельнул голубой искрой из-под резких стрелок бровей:

– В нынешнем времени – да, и в будущем не вижу, потому хочу забрать тебя к себе туда.

Сашка порадовался, что излучать радушие ему уже не надо стараться – сейчас он напоминал себе залитого до краёв довольством щенка... или сытого волчонка, вполне возможно.

– Порадовал, Генри, – промурчал он как можно более ровно и весело подмигнув, нужно было замаскировать этот грозивший прорваться обвал ликования – дисциплина офицера, куда ж деваться. – Надеюсь оправдать доверие. Жди, я постараюсь побыстрее...

Он знал, как сейчас выглядит сам в сознании напарника – как чуток постаревший лохматый ландскнехт, переодетый в нечто серое, где даже талию было сложно угадать, и только глаза едва видать среди маскировочных полос на лице, для этого нужно было смотреть в упор. Стало быть, часть затопившей его радости дошла до собеседника, раз он перестал излучать словно раненый где-то ниже левого плеча – а надо признать, эта пульсация пространства всегда отдавалась каким-то ярким наслаждением. Но есть чужую боль Сашка считал позорным – а попытки себя этим подкормить таким образом всегда блокировал сразу же.

Повернулся и шагнул в сторону – это выглядело как нырок в открывшийся люк или дверь, в человеческом сознании такой процесс всё равно отражался в привычных уму декорациях. За пределами их энергетического кокона было заметно прохладно, везде царил серый туман, вызывавший ощущение стылой тоски при первом же взгляде на него. Тишины почти не было – фонил какой-то шуршащий шорох, то напоминавший звон в ушах перед грозой летом, то уходящие в инфранизк «вздохи» пространства, то общий гул эфира, когда там невозможно напарить нужную частоту. Но сейчас было не до оценок этой части реальности в восприятии человека – стояла задача очень техническая, нырнуть вниз и чётко попасть к источнику похожего на их с напарником эмоций, только эмоций, когда им край как плохо в той или иной ситуации...

«Пойми, старик, ты безразличен ей давно,
Пойми, старик, она прощалась не с тобой,
Пойми, старик, ей абсолютно все равно,
Что шум приемника, что утренний прибой».

Какая у меня толковая память, сообразил вдруг Сашка, неторопливо планируя среди клубов не то тумана, не то дыма без запаха... Ещё раз пропев про себя чужие строчки, он почуял, что падает верно – туда, где он нужен сейчас безошибочно. Наконец ноги стукнулись в некое подобие тверди – всё, вывози, родимые, теперь придётся затопить посторонние мысли текстом тропаря Кресту, и теперь точно счёт пошёл – на связки минут, а подсчитывать их придётся повтором фраз, ибо здесь само понятие времени утрачено.

Зацикленный, словно лента старого магнитофона на реверсе, тропарь взялся начитываться внутри сам по себе – этому Сашка научился сам ещё в училище перед полётами – и ушёл к позвоночнику однотонным звоном струны, почти неслышным ему самому. Всего три шага вперёд среди клубящейся сырости и серости – и колено упёрлось во что-то твёрдое. Пришлось достать из нагрудного кармана дешёвую газовую зажигалку и чиркнуть ею – хотя глупо было бы ожидать реального горения пламени здесь (а почему?), но ведь сами предметы здесь были из голимой энергии, и зажигалка исключением не была.

Она вспыхнула, как такая же на земле посреди ночи – и её света вполне хватило, чтоб обозреть то, что интересовало сейчас гостя преисподней.

Это было нечто вроде цельной тахты с балками для креплений рук узника, чьё распластанное тело лежало себе неподвижно, не прикрытое ничем вовсе на поверхности скорее из салатного цвета пластика, примерно так её интендифицировали глаза. Действительно, кавалерист – комплекция что надо, тем проще будет после восстановить. Интенсивность очертаний тела была разная – так, руки выглядели менее насыщенно, чем остальное тело, и на месте сердца была столь же ослабленно видимая рваная фигура размером с хороший взлом груди. Расчленёнка как способ убийства, понял Сашка – и не хватает как раз того, что хуже видно. Значит, курс был взят верно, промелькнула ещё одна мысль, пока он оценивал шрам на шее – такие бывают только при отсечении головы, но явно с головой-то нынче порядок везде, хотя здесь веки плотно сомкнуты. А вот с руками придётся повозиться, с грустью подумал гость, рассматривая вязь крепления на запястье пленника – вполне возможно, что десантный нож его здесь просто не возьмёт, а как распутывать, было совершенно непонятно, слишком много напластовано было каких-то тросов и скоб.

– Асурья нама те лока, андхена тамасавртах! – с чувством ругнулся Сашка, перебирая пальцами адские аксессуары, и не находя способа развязать это лихое создание инженерной мысли. – Тамс те претъябхигачханте, йе ке чатмахаио джанах! – да что за разница, что появился гнев, на данный момент мы ничем особо не отличаемся от докшита, логично? А докшит может позволять себе эмоции и даже сильные...

Против всякого ожидания, тросы вдруг рассыпались на груды звеньев – и руку узника больше ничего не держало... кроме Сашкиной ладони. И рука не ощущалась холодной вовсе, она была здесь такой же, как своя собственная. До чего же больно тут лежать тогда, учитывая какой холод вокруг, сообразил Сашка. Да ещё больше полутора веков... Посветил зажигалкой на второе крепление, оставшееся целым. Так. Если ругательство в виде мантры подействовало, значит, та рука, что сейчас свободна, лежит где-то в буддистском монастыре или храме – в Китае их полно. Но если вторую эта... особа женского пола высушила и припрятала у себя, то... пробуем...

– Оммм таре тутаре тууре сохха! – прошипел русский офицер почти с ненавистью. – Сдохнешь, стерва, встречу – изувечу!

Крепление неспешно обернулось гостью песка и просыпалось куда-то вниз, прочь с глаз. Теперь зажигалка была уже и не нужна, можно было вполне снова убрать в карман – глаза уже привыкли чётко вычленять объект внимания из серости вокруг, видимо, подействовало то, что отпускать кисть пленника гость и не собирался. К нему пришла вдруг дельная мысль – неплохо бы одеть подопечного. И вот из дацана как раз и зачерпнём, плевать, где он находится на поверхности планеты...

– «Не разбить бы рожу, не сойти б с ума,

Что страшнее всё же – смерть или тюрьма», – прорычал привычным мотивом Сашка.

Воспоминание о расслабленном возлежании за главным алтарём Бодхикхармы в мундире офицера империи из будущего приятно пощекотало горло. На несколько мгновений здесь перестала давить на уши какофония неприятных звуков и шелестов. Тело лежащего на секунду или около заволокло белесым туманом, а затем оно оказалось в элегантном белом мундире

с непонятными сейчас знаками различия, но очень напоминавшем что-то из одежд как раз тех реалий, что на Земле ещё не наступили... А тоже неплохо, решил про себя Сашка, рассматривая типично остзейские черты нового знакомого. И почему это его на портретах тёмноволосым рисовали? Вполне себе светлый, почти как сам Сашка, и седины хватает, видна то есть... ну постарше меня лет на пятнадцать, но ничуть не растерявший стать. Хотя вот многие современники... да сюда бы их таких всех, гуртом, не жалко. Похоже, стоило уже попробовать смотаться отсюда – вдвоём... как же обратиться-то правильно, чтоб не напугать теперь? А то ведь явилась тоже, харя в камуфляже, раскомандовалась как у себя в гараже...

Да и на каком языке изволить разговаривать? Если на родном для пленника – факт примет за знакомца по прожитой жизни, а хрен знает, за кого именно из них, в аду даже друзья таковыми перестают быть, и брать на себя чужие огрехи неохота. Английский? Можно не просто понять ответ на диалекте двухсотлетней давности, судя по тем редким занятиям в универе, что перепали на долю горе-студента. Французский – вообще едва ли не вражеский в тогдашней ситуации, да и на нём вообще ничего можно не понять, как всегда. Придётся рискнуть и воспользоваться родным русским, всё же манера говорить за двести лет должна была измениться, да и выговор уроженца столицы Восточной Сибири явно не чета тем вариантам у диких зауральских варваров, к которым привык при жизни боевой генерал ушедшей навсегда эпохи. Не говоря уже о том, что хотя таких сибиряков и называли скороговорами другие жители этой страны, но изъяснялись они предельно чётко и внятно, что приводило ротного в восторг когда-то, потому что сказанное усваивалось тут же, без искажений.

– Прошу прощения, Ваша светлость, – осторожно позвал Сашка, пытаясь приподнять за плечи пленника, – неплохо бы выбраться отсюда, полагаю.

Вероятно, от него ждали хоть каких-то слов, и прекрасно поняли сказанное – судя по молнии, сверкнувшей в сразу открывшихся глазах... Синие, значит, вполне воспринимает происходящее, просто боль у него по-прежнему сильна. Однако закопать куда бы подальше одним взглядом может до сих пор, не без удовлетворения отметила та часть сознания Сашки, что обожала троллить реальность. Ну значит, и он не совершил ошибки.

– Кто Вам дал право на такие действия, барон? – прогремело в ответ на слишком чистом русском, который только у немцев и бывает, да ещё с такой интонацией, что имеется только у привыкших повелевать, и постоянно.

Прилетели, с грустью оценил Сашка. У меня что, на лбу старое приключение отмечено теперь? Впрочем, чему тут удивляться, это ж аристократ потомственный, а не как я, раздолбай новопожалованный едва ли не в шутку... И что теперь отвечать? Что командовать тут вообще-то мне положено сообразно обстановке? Я бы сам обиделся на такие слова...

Ох, ещё бы знать, что означала эта фраза явно на латыни, что не разбирая случилось выговорить – не иначе, подмог кто-то из костёла... Во всяком случае, нужного эффекта удалось добиться сразу, собеседник воспринял её с заметным удовлетворением и осведомился совершенно деловым тоном:

– Что требуется от меня сейчас?

Ну отлично, хоть за врага меня уже не воспринимаешь, усмехнулся про себя Сашка, выуживая из кармана крепёжную сетку. А то вот было б смешно, кабы ты меня тут вырубил просто – вон какие перстни, тут и кастета не надо уже... один разряд по лобовой чакре – и езжай в мятный дурман, там уже и когти заготовлены... Как бы тебе дать понять-то, что пару слоёв боли я тебе снять могу, но сначала выбраться отсюда надо? Тут не прямой реал, шприц просто бесполезен с его содержимым на такой случай.

– Держаться за меня нужно, Христофор Андреевич, – уставшим тембром проговорил Сашка, цепляя застёжки на талии собеседника. – Когда Вас тут хватятся, мне неизвестно, но исключать ничего нельзя нынче уже.

– Предполагаю, что это может получиться, – ответили ему уже совершенно спокойно, и Сашке даже стало тепло – волноваться он теперь перестал, и это было существенным облегчением. Текущей задачи.

Потому что Генри там наверху распластался в его собственном кресле пилота и сам не свой от напряжения. Это в лучшем случае, если не обнаружена машина и не атакована вражбём... А если Генри вдруг грохнут – он, в отличие от расклада наоборот, не сможет это сразу почувствовать. И крепить нового знакомого придётся отнюдь не на спине – так его просто убьют метким выстрелом плазмы кто угодно, и насовсем. А у себя на груди – потому что если разряд придётся по спине пилота, то это будет менее страшная потеря, подумаешь, недельку в реанимации в реале, и снова бегать по тайге с карабином, как всегда в начале осени. Что ж, иногда и собственный рост сгодится в позитив – сейчас эти шесть футов хозяйской такой мускулатуры вполне помещаются на нём, и аккуратно.

Так, теперь осторожно, толкаемся каблуками – и всё, идём вверх, три-два, тащите меня все из храма Архистратига! Ну, быстрее, парни, мы как-то слишком плавно поднимаемся, сейчас мне просто нужно вернуться к Генри, а крыльями махать в этой вязкой серой мути наверняка неэффективно. Получается, услышали – перед глазами на очень краткий миг мелькнула лестница на второй этаж в знакомой церкви... Ага, это адресат прочла смс и устроилась в красном углу у себя дома... Даме можно было смело рождаться мужчиной, учитывая её силу... Ничуть не меньше, чем у жены – но та ещё слишком молода, чтоб помогать в таких переделках, один шум да волнение, а того нам ой как не надо сейчас. Ну же, дорогая, тут ещё пара километров где-то на общий план, дёрни меня наверх! Да, я сейчас тяжёлый, нас двое потому что, но так надо.

«Солнечный огонь атмосферы бронь пробивал, но не пробил туман» – прогремело где-то знакомыми строчками про мёртвый месяц на задворках сознания. Ну да, Солнце – вот что нам надо сейчас. Это дома глубокая ночь, а тут, давно ли предзакатье наступило, над поверхностью? Солнце Правды, подмоги, а? Не для себя прошу побыстрее – мне нужно вытащить этого клиента. И сейчас. Зуммер тропаря в спине стих, и пришлось прилагать значительные усилия, чтоб вырубать в сознании привычные слова молитвы мытаря. Когда это получилось, Сашка ощутил себя так, будто наколол поленицу дров только что. Зато перед лицом обозначилась знакомая картинка трапа в истребитель, и вскоре удалось рухнуть на пол машины внутри, спиной, чтоб не поранить своего протеже.

Сейчас их самолёт растянулся до габаритов пассажирского борта для перемещений вивов государственного уровня, хотя снаружи размеры тёмного непрозрачного облачка никак не изменились. Однако удар о пол по затылку оказался весьма ощутимым, и хотя Сашка понимал, что задача выполнена, сейчас Генри уберёт его вместе с пассажиром отсюда в безопасное место, перед глазами уже поплыл липкий белый туман...

– Вы воздушный кавалерист, барон, – донеслось до него тем же знакомым голосом, но пошевелиться уже сил не наблюдалось. – В моё время таких технологий не имелось.

– В ваше время, князь, я бы парой ФАБов разнёс бы корсиканца в песок, – усмехнулся Сашка, с сожалением понимая, что зрение вообще отключилось. – Трассерами бы они до меня точно не добрались, это однозначно. Братан, гони, я спёлся.

– Слушаюсь, Саша, мы успеваем, не волнуйся, – пришлось услышать ещё перед тем как провалиться в беспамятство. Похоже, с Генри всё хорошо, раз он не позволяет себе старофранцузских ругательств, хотя... он же нынче тоже немец, получается.

«За то, что только раз в году бывает май,
За блеклую зарю ненастного дня
Кого угодно ты на свете обвиняй,
Но только не меня, прошу, не меня»

и далее по тексту наворачивалось в мозгу под гитарный звон уже автоматически.

Противный белый свет слегка обозначился над вынырнувшими из темноты сопками, когда уже Сашка настойчиво плескался головой под прохладным душем. Что-то он факт забыл, забыл, но, кажется, это было не очень важно сейчас. Как он попал домой? Что ж, придётся в следующий раз спросить лично у Генри. Судя по недавним событиям, ждать этого недолго.

Вытерев голову полотенцем, Сашка в ярком свете ванной комнаты вдруг увидел полосы на полотенце, напоминавшие следы от сажи. Сообразив, в чём дело, приблизился к зеркалу. Так и есть, полосы камуфляжного макияжа, у них ведь жирная основа, не смылись с лица полностью. Ерунда, протрём так, тампоном с молочком, а полотенце – в стирку, не глядя и не вспоминая, над каким километром нынче зависали с напарником. А теперь – быстро под одеяло к жене, пока всё выглядит обычным сидением в кабинете за книгой допоздна. Пока что ей не следует знать, куда приходилось нынче выбираться – за такую отлучку простым соитием с ходу не отделаешься, да и выспаться бы не мешало, всё-таки, вся ночь к чертям пропала уже. В прямом смысле, так вот.

Вечер за пять лет до миллениума

– А я тебе сказал – будешь пить со мной за Сталина! – утробный рёв лужёной суррогатами плотки прогремел на половину этажа старого барака, никак не меньше...

Отчего-то именно сейчас одутловатое лицо потомственного пролетария вопреки всем логическим умозаключениям стало внушать такое отвращение, что Александр понял, что натуральным образом задыхается. Долгожданная еда, дымящаяся на тарелках, вместо манящего изголодавшееся нутро набора яств превратилась в столь же несъедобные предметы, как общепитовские тарелки, на которых она была разложена женой будущего тестя. Тот смотрел себе помутневшими от звериного бешенства гляделками, моргая выцветшими водянистыми радужками и недвусмысленно давая понять этим, что в случае непотакания своим сиюминутным амбициям склонен пойти далеко – и кухонный нож лежит слишком близко от его узловатых пальцев, уже сжатых в бесформенный и несуразный комок морщинистого мяса под серовой кожей. Александр упорно старался не смотреть на его скомканные выцветшие волосы и понурый от жадности нос, поэтому его взгляд в никуда был тестем замечен, и массивные челюсти двигались во рту очень неодобрительно, передвигая сигарету без фильтра в выцветших губах. Хотя пепельница стояла себе посреди стола вполне бодро – доставать сейчас свои сигареты означает спровоцировать нудный вой о зажавшихся щенках, которые жизни не нюхали и оттого имеют белые ухоженные ручки, как барышни, – а визг Оксанки о том, что её парень музыкант, слышать снова вовсе не хотелось. О том, что этот музыкант привык к совсем другим клавишам в виде курков и затворов, рассказывать было нельзя. Безумно хотелось есть – весь день без обеда, а позавтракать толком не успел, еле проснувшись с утра, будь оно проклято, это тупое время, когда голова не варит, а тело не слушается совсем. Но сейчас некий невидимый смрад не только отключил этот зверский аппетит, кривыми когтями впившийся в живот и горло, превратив весёлый семейный ужин с говядиной и картошкой в какой-то комплект безжизненных декораций, но и невыносимо подступил к лёгким, надавил на виски...

– Я сейчас подойду, – вежливо в полголоса бросил Сашка, проворно вскочил и едва ли не выбежал из-за стола.

– Какого хрена, я тебе сказал, будешь меня уважааать, – доносилось в спину из кухни.

Как ни странно, в этот раз не было слышно ни снисходительного бурчания будущей тещи, нахваливавшей новую банку солёных огурчиков и свежую зелень с грядки, ни пронзительных требований Оксанки не докапываться со своим заводом до всех и всюду везде и уверений, что в субботу будет хорошая погода и на дачу они все поедут, все, обязательно, просто в прошлый раз был вызов по не зависевшим от Саши обстоятельствам... Поспешно набросив куртку на плечи и надев казачки – ещё один объект ненависти оксанкиного отца, ради которого он не собирался ни от них отказываться, ни коротко подстригаться – Сашка выскользнул в коридор барака, за входную дверь квартиры. Бензиновое пламя вспыхнуло весело, будто подмигивая и напоминая, что жизнь может быть прекрасной, если к этому стремиться – и уже можно совсем спокойно щёлкнуть крышкой зажигалки, отправляя её в карман на ремне джинсов... Теперь нужно не торопясь распрямить занывшие плечи, аккуратно затягиваясь – сколько сегодня на рынке было перетаскано мешков, считать уже не хотелось, главное, что дырки-царапины с прошлой поездки зажили в этот раз вроде бы спокойно и уже не кровоточили совсем. А значит, к следующему вызову младший лейтенант готов, и младшая сестрёнка будет снова радовать, рассказывая о забавностях на семинарах и конкурсах на Днях Физики на факультете – эх, отчего ж её поныне никто из цветущих кавалеров всей университета никто по сию пору так и не прельщает? Ох, кабы не батино вдовство и новая его змейка-семейка, можно было себе остаться на кафедре самому, или ещё лучше – уйти работать в Службу Солнца на обсерваторию в Саянах, но деньги... Какие там деньги, кошке не прокормиться, проклятый БАМ и олимпиада, на сколько же лет ещё оно вычерпало соки из страны? Дорулились, сталиноиды ущербные, трепачи позорные – и водка ваша из картошки дрянь, а нынче и вовсе из нефти, кажется, вообще яд.

Сашка осторожно потянулся, покачиваясь на каблуках – спокойно, спокойно, проскочим, так всегда говорила Маська, сияя от счастья каждое его возвращение из тумана с перестрелками. Фенечка, связанная сестрёнкой, снова тихо шевельнулась под рукавом рубашки – наверное, вспоминает, чувствует, когда брату нехорошо. Отчего, когда мне плохо, этого не чувствует Оксанка? Она сама просила эти золотые серьги, а теперь почему недовольна, что я вискарь её отцу не презентовал на его ноябрьский краснотряпочный шабаш? Не по стилю как-то, да и не заценит этот бездарно брутальный сноб чуждого его сути напитка, это не нам с тобой, милая, эль готовить, как в книге у Стивенсона в детстве читали. Ах, как страстно трепетало её тело после... Ну, надеюсь, сегодня мы сможем обойтись без того, чтоб урезонивать кого-либо на этаже, вдрызг перекрытого водярой? Хочется чуток выспаться уже, да и на чердаке будет прохладно – похоже, на улице уже разыгралась обычная сибирская мистерия финала осень – последний дождь и первый снег, как в известной песенке? Простывать сейчас очень опасно, в позапрошлый раз врач жёстко предупредил, что риск отёка лёгкого у вас, сударь любезный, самый высоко задранный, а потому извольте себя беречь и заканчивайте свои командировки, добром не кончится. Как будто этого я хотел, получив диплом... Жаль, что звёзды сегодня не удастся увидеть – Сашка поёжился от вечернего холода, тянувшего из входной двери подъезда, и застегнул куртку. Виргинский табак сделал своё дело – дышать стало легко и ровно, и давящая боль отступила от висков. Но колени уже предательски хрустнули, сигнализируя хозяину, что он гоняет их в режиме перегрузки, и явно застудил прошлой осенью на чужой даче, когда не успел протопить домик и рухнул спать, не раздеваясь. Ничего, ничего, вот только выучим Маську – а там будет проще, наверное...

Заскрипели крашеные мерзким суриком вышарканные доски щелястого пола – даже лёгкие шаги на нём обычно вызывают неприятный треск, похожий на визжание мела по старой школьной доске с покрытием из тёмного линолеума, и от него возникало чёткое ощущение, что тебя корябают стальной проволокой изнутри. Когда ж эти доски заменят на нормальные, с покрытием из зелёного стекла, разработанные на кафедре физики твёрдого тела? Или тоже

годами будем ждать, как очередники на квартиру у отца на радиозаводе? Кое-кто и на двадцать седьмой год работы не получил...

– Ну, и долго ты тут ещё будешь выпендриваться? – голос Оксанки отчего-то содержал сейчас в себе значительную часть этого визжания, от которого внутри всё неприятно сжималось, заставляя вспоминать самые неприятные моменты школьной поры. – Что тебе стоило опрокинуть рюмку без этих выкрутасов?! – и вот возникла она сама, в облаке дешёвого парфюма с шанхайки и халатике оттуда же, но даже эта дешёвка её никогда не портила.

Захотелось просто снова сгрести ладонью эту причёску а-ля дикая женщина с видео, и впиться в алые губы своими, чуть потрескавшимися – разве не за этим она здесь, верно? Сашка автоматическим движением притушил окурок, щелчком отправляя его в облезлую консервную банку, служившую пепельницей здесь и прибитую к дереву перил намертво кем-то из местных пьяниц, и с томной улыбкой повернулся к невесте. Но ладони, уже готовые к объятиям, отчего-то остановила некая неведомая сила. Карие очи милой сейчас вовсе не пылали влагой желаний, а искрились сухой злостью, несмотря на обрамление длиннющих – им даже тушь дорогая была не нужна – мохнатых ресниц. Дверь подъезда внизу захлопнулась с омерзительным скрипом, идя навстречу толчкам осеннего ветра, и мощный толчок холодного воздуха шевельнул каштановую чёлку над ними. Оксанка была чудо как хороша с ней – Сашка от избытка чувств часто патетически называл её «моя Шаганэ». Он и сейчас шагнул навстречу, чуть приоткрыв губы и уронив ресницы пониже – чтоб она не сомневалась, как сильно он желает поцелуя.

– Перестань! – холодный тон ожёг щёку, как мокрое полотенце... – Ты нарочно раздражаешь отца своей антисоветчиной, да? Зачем ты свалил из-за стола, фэ своё показывать, какой ты крутой, что ли?

– Я хочу тебя поцеловать, – с тихой осенней грустью вздохнул Сашка, чуть опуская голову. – Считаю, что убежал я за этим. Только и всего, – он всё же заставил ладони шевелиться и осторожно лечь ей на талию.

– Ты ужасно себя ведешь! – прорычала девушка, отстраняясь. – Вечно от тебя одни проблемы!

– Шшш, я очень устал и не хочу никакой ругани, – нежно промурлыкал Сашка, пытаясь игнорировать то, что услышал, и неосознанно снова приближаясь. – Обними меня, пожалуйста. Я сегодня видел цельное кольцо из лунного камня, хочешь, я тебе завтра его принесу?

На самом деле кольцо уже лежало себе в потайном кармане куртки, и оно было причиной того, что Сашка остался без обеда. Но Оксанка так была хороша в серьгах из адуляра, что упустить игрушку было никак не возможно – иначе бы после захода ушлых девах из рыбного отдела не осталось бы и самой хозяйке киоска.

– Скажи, тебе было запаadlo выпить с отцом, что ли?! – любезная шипела, как рассерженная кошка, не позволяя заключить её в объятия, пришлось остановиться, замерев на месте. – Он жизнь прожил, а ты?

Кажется, случился небольшой подземный толчок – хлипкие бараки всегда реагируют на них заметно... Сашка застыл, пытаясь ощутить телом вторичную волну вибраций, привычную в таких случаях – но ничего не зафиксировал. Поэтому он пропустил мимо сознания ещё какой-то упрёк в чём-то, да и голос собеседницы слился в одно тягучее визжание на одной ноте – видимо, голодовка пыталась вызвать теперь мигрень в побитой не раз в командировках голове, и лёгкий шум в ушах и есть признак перегрузки сердца в этом сезоне. Если давление падает, нужно его поднять, иначе можно рухнуть из вертикали невовремя – водку сейчас нельзя ни в коем случае. Сашка полез за новой сигаретой, ещё не заметив, что рука подрагивает. Спокойно, сейчас выкурю, и меня отпустит. Вот так, аккуратно, сейчас всё пройдёт, просто перетрудились нынче. Что она там несёт, что???

– Ты только и делаешь, что нарочно важничаешь, чтоб быть не как все! Тебе нравится людей из себя выводить, говорить им гадости! Что тебе Сталин плохого сделал, а? – девушка выкрикивала слишком громко, явно затем, чтоб эти фразы слышал ещё кто-то. А точнее, весь барак.

Голос собеседника был столь тих, что ей пришлось резко замолчать, чтоб уяснить себе ответ – но на лице уже светилось чёткое стремление не слушать вообще.

– Расстрелял всю нашу семью, – спокойно произнёс Сашка. – У нас всю деревню выжгли, и бабка чудом выжила, убежав в лес. Она была ребёнком, даже в школу не пошла ещё.

Оксанка на секунду поперхнулась, услышав совсем не то, что хотела, и её глаза залил чёрный гнев.

– Не раздражай меня такими заявлениями! – он убавила громкость, но злоба в голосе появилась уже нешуточная. – Зачем ты сказал мне это сейчас?

– Но это правда, – растерянно пожал плечами Сашка. – Разве я виноват, что оно было так?

– А тебе не приходит в голову, что даже будь оно так, в этом был смысл?! – кокетливо тряхнув копной волос, ещё тише поинтересовалась вдруг девушка, и чуть придвинулась, открыв губы. – И какое лично тебе дело до этого сейчас? Может, твоя бабка всё наврала.

Но собеседник отшатнулся, как от открытого огня на пожаре.

– Чего? – севшим голосом пробормотал он. – Ты всерьёз это мне говоришь? Зачем?

Рука девушки уже очутилась на талии и явно торопилась забраться под куртку...

– Я не советую тебе говорить об этом вообще, – томный голос обволакивал, как густой мёд, но откуда-то из неведомой дали вдруг потянул запах гари. – Это не добавит тебе положительных черт и на сегодняшний день не имеет никакого значения. Так что пей и не болтай ерунды сегодня, хорошо?

Окончательно припечатать себя поцелуем Сашка не позволил и резко вырвался, отступив на шаг к ступеням.

– Ты вообще хорошо поняла, что сказала сейчас? – тяжело задышав, он сделал длинную затяжку, затем блеснул нехорошим взглядом на подругу. – Тебя послушать, так и меня истребить стоит, вслед за роднёй?

– Нуу, это ты зря в крайности кидаешься, – смешок, возможно, должен был прибавить соблазнительности, но тональностью снова напомнил корябающий визг. – С тебя вполне достаточно делать то, что тебе говорят.

Наверное, подземного толчка не было – возможно, просто произошла вспышка на солнце. Сашка отступил ещё на шаг, понимая вдруг ясно и отчётливо, что он находится в неправильной точке пространства, там, где его быть сейчас никак не должно – иначе он погибнет. А тогда Маське будет нечего есть, и она не закончит университет. И вообще, хотя жизни сейчас как будто ничего не угрожает, но душа уже на волоске от гибели. А это ещё хуже. Старый кошмар с пылающими на закате избами, который снился с детства хоть раз в году, но в один и тот же день, на мгновение встал перед глазами во всём своём ужасном великолепии.

– Я никому ничего не должен, – тихо уронил Сашка, опустив голову. – И я не буду никому подчиняться, – он проворно повернулся спиной к собеседнице и почти побежал вниз по ступеням, к выходу.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – насмешливо прозвенел в ответ девичий голос. – Тоже мне, умник выискался.

– Я жить хочу, – процедил Сашка себе под нос, уже не заботясь о том, чтоб отвечать. – Почему ж вы мне этого не даёте-то...

Сигарету пришлось выбрасывать уже на промозглом холоде, на выходе из двора.

* * *

Главное отличие человека от скотины – способность смотреть на небо. Сашка с глубокого детства, когда эпизоды теряются в густом белесом тумане памяти, помнил дедовские слова: «Запомни, старая сибирская поговорка – свинья неба не видит! Обращаться же с человеком как со скотиной никому не позволяй!» Мерзкий ноябрьский дождь и правда норовил то и дело пробросить первые куски слипшихся снежинок. Они противно липли на ресницы и брови, заставляя думать, отчего в детстве снежинки были ровные и красивые, а сейчас почти всегда похожи на уродливую кучу шлака. Ноги сами вынесли из двора с помойкой на узкий тротуар с покорёженным сорок лет назад асфальтом, а затем – мимо вросших в землю низких домишек нахаловки в реликтовую рощу.

Почувствовав знакомый пряный запах огромной ели, что росла в яме на месте провала в земле, Сашка понял, что шансы успокоиться после ссоры с Оксанкой у него должны быть. Нужно просто побродить с часик или больше, пока весь барак не выпьет большую часть предназначенной для пятничного вечеряния водяры и будет менее склонен обращать внимание на существование ещё кого-то на этаже. Однако очень холодный ветер и жёсткие струи дождя по незащищённой ничем голове внушали сомнения в правильности такой стратегии – а ну как придётся простыть, не надев свитер под куртку поверх рубахи? Но возвращаться слишком скоро было пока никак невозможно – как будто отрезало сейчас путь к этим ярким весёлым окнам, как будто кровавым светом сейчас они налились, неосязаемым почти, но сигнализирующим о смерти у себя неминуемой, а не ясным обычным жёлтым, означающим тепло и уют. Или пережить, когда этот кошмар растворится в промозглой темноте – а вдруг этого не произойдёт? – или искать себе новое пристанище.

Квартал через трамвайную линию – там все хрущобы уже обросли массивными металлическими дверями, которые ни за что никто не откроет в непогоду и темноту, и не забудет захлопнуть – поэтому вариант с покурить и погреться в чужом подъезде отпадает сегодня. Ларьки же после одиннадцати уже все позакрывались, и надеяться на милость скукающих продавщиц не приходится. Ну, а частный сектор напротив сам сейчас представляет недюжинную опасность для прохожего. Остаётся только двинуть в противоположную сторону, откуда пришёл, и чуть взять в сторону – не больше нескольких минут, и вокзал в твоём распоряжении. Но только... машинально хлопнув себя по карманам, Сашка понял, что документы остались в барсетке, а без них и рассчитывать нечего на гостеприимство не только зала ожидания, но и самого привокзального района, то и дело прочёсываемого ментами... Подберут патрульные – делать план по нарушителям, и сядешь ни за что сначала на тридцать суток. Потом ещё неизвестно сколько продлевать будут твоё заточение, в протоколе каждый раз указывая, будто вёл ты себя аки Рэмбо и чудом не убил сотрудников при исполнении. И вызволять тебя из плена будет некому – кто ж знает о твоём задержании? А потом озабоченный сотрудник следствия предложит вежливо взять на себя некоторые глухари на районе, и в случае отказа в камере тебе устроят такие обстоятельства, что согласишься очень быстро на что угодно потом. Схема была известной столь хорошо, что вокзал пришлось исключить сразу. Может быть, попытаться обойти его и двинуть через старый мост, в центр города? Но сегодня ли смена в «Интуристе» у Николая, уставший мозг никак не мог припомнить.

«Последний дождь и первый снег» – всплыла в мозгу старая песня, и Сашка машинально подпел про себя – «И нет тебя, и слава Богу, что тут во тьме бреду без сна, и эта страшная дорога тебе никак не суждена». Потом сообразил, что эти слова уже никак не могут относиться к Оксанке, а значит, есть ещё кто-то, кому это может быть адресовано. «Полярное кольцо», стало быть? Значит, кольцо из адуляра, которое не досталось нынче той, для кого он на последние деньги днём купил его, может быть вообще не для неё уже? Это столь озадачило, что Сашка достал вещицу из потайного кармана куртки и взялся рассматривать на ладони, запалив другой рукой пламя зажигалки. Как будто вправду сделано из предрассветного тумана, когда ещё не все звёзды погасли на посветлевшем небосклоне, пришла усталая мысль. Снова лезть

и распахивать куртку не хотелось, и для дальнейшего хранения красоты было проще сейчас использовать самый мелкий карман джинсов – тем более, что зажигалку надлежало убрать в её карман на ремне.

Какая всё же подлость, что из-за этой мерзкой непогоды сейчас нельзя посмотреть на небо – с грустью подумал Сашка и тихо вздохнул. Звёзды всегда действовали успокаивающе своим ровным светом и неизменным расположением сообразно времени года. И всегда вливали чёткую уверенность, что разные безобразия на земле однажды кончатся – и тогда можно будет смотреть на их сияние без боли и тоски. А сейчас непокрытую голову приходилось вжимать в плечи, чтоб сильные холодные струи не затекали за воротник. Патлы ещё не пропитались дождевым мороком, но чёлка уже подло съехала через лоб к переносице, угрожая прикрыть собой глаза, и молодой мужчина остановился.

И так уже впереди была густая темень рощи – густые черёмуховые кусты хоть и стояли уже полмесяца голые, но сейчас надёжно преграждали собой всякий дальнейший путь. Сашка застыл в каком-то унылом оцепенении – дневная усталость навалилась вдруг неотвратимо и страшно, заставив кости рук и ног тихо зануть, безапелляционно заявляя хозяину, что не желают сейчас вовсе двигаться. Противный подлец голод вдруг возник опять в своём полном безобразии, заставив замереть, пережидая приступ тошноты и неслабого головокружения – отлично знал, что курить сейчас достаточно холодно, и это уже не поможет для борьбы с ним. Сашка вздохнул как можно глубже, инстинктивно прикрывая глаза – вот сейчас отпустит эта напасть, и посмотрим на часы, возможно, времени уже прошло достаточно, чтоб можно было вернуться или ещё что-то предпринять. Сестрёнкина фенечка снова вздрогнула под рукавом рубашки – будто хотела предупредить о том, насколько кислый выдался сегодня вечер. Удастся ли сейчас дойти до её общежития на этих подкашивающихся от дневной перегрузки ногах? Кажется, это самый подходящий был бы сейчас вариант... Да, если подняться на горку, к автобусной остановке, поздние маршрутки ещё должны ходить, они ещё ходят до часу ночи – правда, тогда завтра будет снова нечего обедать на рынке, но, может быть, молодая администраторша поможет, или удастся ещё как-то выкрутиться. Конечно, объясняться с вахтёршей – то ещё унижение, но похоже, сегодня это всё, на что можно рассчитывать. Потому что возвращаться и слушать ехидные смешочки всего барака и – что самое гнилое, самой Оксанки – уже никак не возможно сейчас. Да и от запаха их тушёной картошки с луком не только затошнит и согнёт пополам, но и к полуобморочному состоянию толкнёт сразу. А становится столь беспомощным было не только противно, но и опасно, учитывая настроение тестя. Хотя... какой он мне тесть, а? Вот профессор с кафедры теоретической физики – тот был бы в этой роли великолепен, да вот только дочка его полностью сумасшедшая, увы.

Но двинуться к намеченной цели так и не пришлось. Перед глазами вспыхнуло белое пламя – это чем же отоварили по спине-то, цепом, что ли, или ещё какой самопальный кистень? – растерянно мелькнула грустная мысль, пока тело лихо падало с высоты собственного роста на мокрые пожухлые листья. Крепкая подошва с каблуком плотно придавила шею, так, что шевелить головой стало невозможно. Прежде, чем тело сподобилось вернуть себе способность реагировать, сверху посыпались мощные удары, явно от ног, обутой в довольно крепкую обувь. Сколько минут это продолжалось – понять было невозможно, но с каждым новым таяла надежда на возможность после подняться. Что-то довольно ощутимо воткнулось в левый бок, на котором пришлось лежать – не то кусок коряги, не то острый булыжник. Из-за резкой боли ещё и от этого невозможно было разобрать, о чём шушукаются напавшие – их явно было прилично, судя по количеству ударов, и они даже должны были в потёмках мешать друг другу забавляться...

Возможно, так оно и было – и оттого чужая нога наконец отпустила шею. Только для того, чтоб куртку взялись споро расстёгивать и стаскивать прочь. Помешать этому было очень трудно, почти невозможно – так быстро это делали и так основательно проводили профи-

лактику сопротивления ударами по рёбрам, животу и ещё ниже. Доставалось везде, но там было особенно болезненно. Промозглый холод угрожал заставить задрожать – ковёр из мокрых листьев был уже вдосталь напитан влагой, которая резво взялась захватывать рубашку – убежать из барака в планы вовсе не входило, и свитер не был надет. Сашка инстинктивно рванулся в сторону, почувствовав, что ливень ударов стих – и руки нашли в темноте толстый ствол ветки с куста черёмухи... Несколько мгновений, которые достались ему из-за того, что куртка заинтересовала напавших, были использованы на полную катушку. Удалось, подтянувшись, встать на ноги – почти ровно. Глаза уже настроились на то, чтоб помочь своему хозяину спастись – и отметили, что тёмных силуэтов солидно, намного больше полудюжины. Каждый небезоружен, понятно, эти стаи молодых отморозков обычно ни перед чем не останавливаются, тут и с оружием справится не каждый спецназовец, не вымотанный усталостью и голодом... Осторожно шагнув в сторону, получилось нащупать подошвой казачков посыпку тропинки в роще – похоже, с этого направления просто никто из врагов не зашёл ещё, слишком заняты разглядыванием добычи.

Звероподобный рёв кого-то из тех, что до сих пор имел человеческое обличье, отборным матом отметил этот манёвр, но, не смотря на боль почти во всём теле, реакция не подвела – и Сашка взял хороший темп, молясь про себя, чтоб нога не подвернулась на каком-нибудь мокром корне берёзы. Вопли неудовольствия и пожелания догнать и уничтожить довольно быстро остались за спиной, но всё-таки нога подвернулась уже на тротуарной колдобине, и падать на ладони было очень болезненно, особенно приложившись раненым в прошлом году коленом. Но здесь уже совсем близко был свет фонаря у трамвайной линии, и если поспешить с подъёмом, ах, чем же так врезали под правый бок – кованым носком, железной трубой или ещё чем? – то шансов выбраться будет больше, ведь на освещённой площади нападают реже. Лишь бы успеть подняться прежде, чем эта стая догонит... Успел. Теперь – под гору, бегом по асфальту в ручьях, к вокзалу, вдоль пустующей проезжей части у стенки, отгораживающей тротуар на высоте. Если к этой стене прижмут, всё будет напрасно, а за то, что посмел пытаться сбежать, забьют до смерти гарантированно. Или ещё что сделают в процессе, гораздо хуже – изуродованные тела неудачливых ночных прохожих поутру собирают патрули то и дело где попало. Просто здесь бежать безопаснее, хоть немного ровная поверхность и хорошо освещена, на тротуаре же подвернуть ногу и порвать связки – обычное дело. Подлый гравий, набросанный тут с весны, как хорошо, что сегодня я не в кроссовках, в них можно подскользнуться фатально, а от казачков он отскакивает. Всё, оторвался. Только эти несколько минут на дожде с ветром – дело дрянь, взмок полностью, завтра температура взлетит до 39, и как работать будем? И – где будем отлёживаться, интересно? Однажды попытались в родительской квартире – в результате сами не помним, как во дворе оказались на лавочке, и «скорая» подъехала отчего-то, верно, Александр Викторович? Вас же предупреждали тогда докторишки, что кровотечение может открыться, и нервничать нельзя. Попробуй не понервничать с мачехой и её сестрой и дочками – ангела из себя выведут и убивать заставят.

Как назло, ни одного таксиста у пригородных касс – куда они все запропалились, вроде ещё пара электричек должна была прийти с востока, отменили их, что ли? Запыхаться почти не пришлось, хотя то здесь, то там тело отзывалось сильной болью – до того её ещё не чувствовал... Оттого Сашка уже почти неспешно зашагал по ступеням вокзального крыльца – так это могло смотреться сейчас со стороны. Думать о том, что пришлось извозиться в грязи, не хотелось, да и саднящие руки струи дождя успели облизать. Но джинсы уже, похоже, намочили основательно, и мерзкая ледяная влага взялась просачиваться дальше – это было уже очень изнуряющее ощущение. Да и на лице образовались явно какие-то нехорошие следы кое-где, это было тоже заметно и ощутимо. Однако даже мысли о том, что можно было бы вернуться туда, где явно дожидалась Оксанка, не возникло – хотелось поскорее прижаться к тёплой батарее за спинками кресел для ожидающих электричку пассажиров и хоть немного спастись от этого

всепроницающего холода. И пока больше ничего – наверное, стряхнули голову, ай, как скверно, очень знакомое оупение и неспособность думать о чём-то... А сколько же сейчас времени, отчего я не могу правильно поднять взгляд на табло под потолком? Аккуратно, этак ещё упасть доведётся, вот же несчастье. Голова всё-таки не поднималась, и Сашка почувствовал, что начинает трястись пусть мелкой, но неумолимой дрожью – батарея грела всё-таки не столь жарко, как было нужно, и кроме того, напряжение нервов и мышц решило в успокоившейся обстановке разрядиться. Всё это вместе всё же причиняло дикий дискомфорт, и захотелось тихо завывать.

Глаза упорно не хотели открываться полностью, как на холоде, и оттого шум прибывшей электрички, а после и сплошного потока приехавших пассажиров протекал как будто мимо сознания. То тут, то там начинала ныть тупая боль, заставляя чуть ёжиться, и лёгкие не тянули нужное количество кислорода. Сознание расплылось в какой-то белесый туман, и думать, как дальше быть, не получалось вообще. Было зябко, мерзко до тошноты – но шевельнуться не только конечностью, но даже мыслями не случалось вообще. В сущности, если бы не потребность греться, тело вполне могло перестать себя держать и рухнуть на пол – так уже бывало не раз после слишком тяжёлых нагрузок и голода, но обычно это бывало в более-менее безопасном месте, в каком-нибудь надёжном в данный момент жилье. Бороться с этой подло подкатившей перспективой не получалось, несмотря на все привычные в подобных случаях самоподстрекательства к активным действиям. Сашка надеялся, что его отпустит вот-вот, через ещё несколько минут, ещё, должно же отпустить, и скоро, чёрт побери! Почему этого до сих пор не произошло, а? Господи, ну помоги же мне, не справляюсь...

– Не дёргайся и пошли тихонько, понял? – прозвенел над ухом тихий тенор, полный металлических интонаций.

Прежде, чем получилось хоть как-то среагировать на эти слова, руки оказались оперативно заломлены за спину... Голову мотнуло чуть в сторону, и различить форму получилось – не охрана вокзала, совершенно обычные менты, и как же тихо подкрались, получается.

– Мужики, меня выхлопали, – голос сел до неприятного дребезжания, но хотя бы выговаривать слова аккуратно получалось вполне сносно. – Осторожнее, мне хорошо досталось.

– Это нас не касается, – тем же нехорошим голосом откликнулись за спиной, они что, ниже меня ростом, получается, мелочь деревенская? – Не будешь слушаться, достанется уже от нас.

Что за полудетские манеры, начала наконец вскипать внутри собственная сущность, неужели это тупые охотники за мясом, те самые, что ищут жертву для плановых задержаний? Под локтями больно прищемили знаменитые точки, от которых нервы протыкают болью плоть так, что белеет в глазах. Экая подлость, это наверняка такие, от них бесполезно ждать чего-то человеческого, и даже на небо посмотреть нельзя сейчас – сколько же суток мне теперь не видеть солнечного света вообще, а?

– Двигайся, амбал, разберёмся там уже, что к чему, – прошипел чей-то иной, надтреснутый голос.

– Отпустите, меня не за что задерживать, – с горечью выдохнул Сашка, понимая, что это бесполезно.

Вот так лексика, это же прямой намёк, что быстро предложат взять на себя серию грабежей и убийств. А уж как сделать, чтоб я не отказался, их учить не надо – эти печальные тезисы пронесли в мозгу очень быстро. И верно, чего им стесняться, разве кто-то видел, как меня задерживают, и сможет мне помочь? От этих уже не сбежишь, бесполезно, только давать им повод к настоящим репрессиям. Стоп, я идиот, они же искали меня – районные бандюки им же и сообщили, в какую сторону я рванул. Стало быть, конец – я напал на мирных гуляющих граждан, а не меня пытались прикончить. Ааах, уцелеть в чёрном ущелье, спастись всем взводом – только для того, чтоб сгинуть дома вот так? А кто же будет работать для Маськиной учёбы?

От осознания всего ожидающего впереди ужаса проснулся адский голод внутри, впился корявыми когтями куда-то глубоко внутрь, к солнечному сплетению. Сопротивляться сил не было – да и бесполезно это было вообще, но и трогаться с места, повинуюсь, ноги тоже отказались. Сашка смог только чуть поднять голову вверх – хотя это и был жест отчаяния, но потребность обречённого на гибель шевельнуться таким образом природа ещё ни у кого не отнимала. Без документов, без поддержки извне, без надежды дать о себе знать – шансов выбраться из-за решётки фактически нет. Что же мы видим, пропадая, младший лейтенант, Ваша упрямая светлая чёлка так и ползёт на глаза, и мешает страшно? Унылый серый мрамор облицовки вокзальных стен, группа пожилых бурятов в отдалении с крупными баулами, какие-то кавказцы, что бодро движутся в сторону буфета, даже дачники уже успели полностью схлынуть, и ни одного шептунного пенсионера, который бы точно поглазел на происходящее с искренним интересом и смог бы потом вспомнить увиденное. Да, ещё одинокая девичья фигурка ближе к лестнице в тоннель прохода под путями к нужным платформам – тоже безнадежно, хоть и боком, но не смотрит даже в мою сторону, значит, не запомнит даже мельком этот эпизод. По спине знатно приложилась резиновая дубинка, и тело само грохнулось на колени.

– Мужики, не губите меня, не за что, – прохрипел Сашка, силясь не подавиться новой болью окончательно. – Оставьте, добром прошу.

Над ухом раздался презрительный смешок, и боль в заломленных руках стала поистине нестерпимой – тело просто потащили в нужную палачам сторону. Из-за этого голову пришлось попросту уронить на грудь, да и смотреть было уже некуда из-за белесой пелены – может быть, удастся хотя бы отключиться, откуда быть силам, чтоб выносить ещё и это истязание? Маська, сестрёнка, она же с ума будет сходить, когда окажется, что ждать уже некого, как же так, за что ей это всё?!

Чёрно-белые сполохи перед глазами, взрывы боли ещё очень мучительны, но как будто начинают стихать. Что вокруг и где это всё, пока неясно, но как будто просто приходится стоять на коленях. Вдохнуть, постараться вдохнуть поглубже – ага, получается, ну хоть немножко, чтоб уж совсем не заходиться в хрипе, уже лучше. Руки... висят по бокам беспомощно, так они не закованы ещё? Странно... Веки слиплись, но вот запах... о, это очень хорошая смесь, духи нежные и тонкие, но разогретые девчачьей шеей. Как будто голова и шея во власти совсем других рук, получается? Надо открыть глаза, это не дело.

С трудом разодрав ресницы, Сашка понял, что стоять неподвижно ему уже не мешают. Совсем рядом, с растревоженным тщанием перепуганной птицы на него смотрело незнакомое девичье лицо – обычная серая моль с тёмно-каштановой шевелюрой под француженку, ровные, не запоминающиеся черты, синие очи – ничего особенного и запоминающегося, но и уродства в себе не содержит. Наверное, моих лет или младше – но не больше четвертака, факт. От удивления глаза быстро обрели резкость, и уже не нужно было запоминать спины ментов, проворно скрывающихся уже где-то далече – мозг услужливо восстановил в памяти свирепые крики на высокой интонации визгливого женского голоса, обладательница которого явно была вне себя от гнева. Припомнились угрозы устроить беспредельщикам свидание с начальником ГУВД города совсем быстро, требования отпустить немедленно её парня... но ступор ещё не проходил. Незнакомка явно обрадовалась тому, что Сашка не только открыл глаза, но успел и с тихим восторгом ею залюбоваться, и придвинулась ещё ближе, обняв одной рукой его за плечи, а другой осторожной лаской ладони убирая упавшие на лицо пряди.

– Ты сможешь идти сам? – она говорила приятным тембром, совсем негромко, только так, чтоб её слышал только он, но явно была сильно встревожена. – У меня сил не хватит помогать тебе, встать сейчас можешь?

Сашка молча хлопнул ресницами в знак согласия – говорить он ещё не мог, с трудом пытаюсь уверить себя, что ад крошечный отступил хоть ненамного.

– Вот и молодец, вставай осторожно, ладно? Всё будет нормально, нам недалеко идти, доберёмся, – проворковала девушка, явно обрадовавшись этому ответу.

С третьего раза уже получилось легко, без перебоев в дыхании, но Сашка инстинктивно обнял за талию даму – она даже не отстранилась при этом движении, спокойно позволив себе сделать то же самое. Сама она была не очень высока ростом – если бы захотела спрятать лицо на груди, то чёлка бы оказалась как раз под подбородком.

– Тебе же холодно будет, – рассудительно заметила незнакомка, не без нежности проведя ладонями по спине – Сашка даже чуть опустил ресницы от неги. – Давай-ка свитер натянем сейчас, ладно? – оставалось только снова молча согласиться глазами, и сумочка через плечо теперь стала заметна – девушка проворно вытаскивала теперь оттуда запакованный в глянце-вый целлофан свёрток.

Наверное, дрожать над батареей и прижиматься к ней имело всё же смысл – хотя рубаха и не высохла полностью, влага с неё вовсе не сочилась, да и цвет ткани уже не был потемневшим. А оттого пушистый мохеровый свитер, в котором чуток даже пришлось утонуть, пришёлся не просто как нельзя кстати, но и вовсе показался даром Господним. Наверное, глаза ярко блеснули при этом от удовольствия – дама уставилась на побитое лицо с ещё более пристальным интересом.

– Эге, тебе сильно досталось, – проворчала она уже недовольно-озабоченно, – эти следы отпечатаются уже сейчас. Ну-ка, присядь пока в кресло, я попробую купировать это.

Спину и бока сильно заломило, колени громко хрустнули, пока Сашка располагал ватное внутри тело на сиденье зала ожидания, и даже подкатил мерзкий вал тошноты, который еле удалось унять резкими вздохами. Тем временем девушка уже закончила какую-то возню в недрах сумочки. По задубевшей сперва от дождевых струй, потом от липкого пота коже осторожно и аккуратно прошёлся ватный тампон, наполняя поры приятным свежим холодком. Там, где плоть уже начинала гореть, дабы налиться через часик тёмными синяками, незнакомая вежливая жидкость с тихим ментоловым ароматом задерживалась больше и дольше, кое-где испаряясь, и тогда целительница накладывала ещё один слой микстуры. Меновазин, догадался про себя какой-то уровень соображаловки, вот уж чего не доводилось встречать в дамских риди-клях обычно, если только их владелица не работает в аптеке. Как же вовремя, этак к утру вполне можно будет встать не только без следов, но и без отёков, разве что чуток будет побаливать изнутри, но без изнуряющего нытья. Встать утром и забрать к чёрту рюкзак из барака, без всяких объяснений с Оксанкой вообще – как было бы здорово... Ох, и где же мне доведётся теперь встретить утро? Да плевать, где, главное, что не в камере после пыток на решётке в наручниках, и не под бетонным забором в полностью неподвижном состоянии уже.

– Ты голоден, да? – прошелестело тем временем над ухом ангельской музыкой, даже не дожидаясь ответа. – Может, конфету пока съешь?

Как назло, тело опять взбунтовалось и промычало в ответ нечленораздельно-утвердительный звук. В результате раздался хруст фантика и фольги, и в зоне прямой видимости возникло обещанное, да вовсе и не карамелька... «Хершиз» с кокосом, батон шоколада, который даже Маське доставался в те редкие дни, когда можно было потратить малость денег на удовольствия, и оттого подлежал табу для её старшего брата. Идите все к чёрту со своими «Мишками на севере», от которых за версту несёт штабным гнильём и душком интуристовских подлипал – чудеса бывают! – и даже тихий смех, сопровождавший уничтожение вкуснятины, слушать было невероятно приятно.

– Спасибо, – промямлил после Сашка, чувствуя, что краснеет от неловкости за свой порыв. – Кажется, я просто сутки не ел, извини.

– Ну, так тем более нужно было так, – рассудительно заметила девушка. – Должно быть уже получше, может, пойдём тогда отсюда?

– Да, конечно, – бесцветным ещё, но почтительно-вежливым тоном произнёс Сашка и сделал вполне удачную попытку подняться на ноги. – С тобой я пойду, веди.

Спасти императора

*Судьба ведёт наёмника сквозь тысячи дорог
На перекрестье городов и трасс.
Театр Последней Битвы пройден вдоль и поперёк,
И с нами Бог – так кто же против нас?!*

Алькор. «Марш наёмников».

1. Пытка надеждой

Спрашивается, куда в определённый, один-единственный всего лишь момент девается интуиция и иже с ней прочие рефлексy да инстинкты? Ну почему когда надо, не срабатывает ничего, никакого, даже самое затюканное чувство опасности? А потом уже все сожаления и прочая бесполезны до смехотворности – только вот совсем не до смеха, мягко говоря. И тем более обидно, что тебя, дурака, предупреждали – но у меня же привычка предупреждения игнорировать, мол, не я послушал, а вы принудили, господа окружающие и соратники. Вот и доигрался, вот и доважничал – теперь абсолютно неважно, кто что подумает из каких-то абстрактных людей. А вот то, что до адской боли внутри понятно, кто будет сходить с ума от ужаса – вот тут у тебя, гордый ты наш император, крыть нечем, верно? Больно? Видать, это ещё бутончики... Что, позавидовал успехам Катерозе, что ли, раз так легкомысленно отнёсся к её совету побережься до того, как она решит проблему со сбежавшими с глаз розентритте-

рами, решил, что тебя оно не касается, стало быть? Ну вот, явно оно сейчас тебя и касается, придурок – ишь, как от души закрутили жёсткие наручники, этак часов через пять руки дойдут хорошо, до некроза без проблем, а что ты будешь делать с изуродованными руками, даже если тебя оставят в живых? То, что пока оставили – вовсе не плюс, этак запросто может оказаться. Страшно ныло плечо, в которое угодила иголка парализатора. Дозу туда явно закатали, расщедрившись – никакие навыки юности Райнхард применить не смог и не успел, хотя пытался на автомате зажать мышцами рану и рухнуть хотя бы вниз, к ручью – возможно, именно из-за этой попытки овладеть ситуацией яд подействовал ещё быстрее, и он хотя и сознавал, что застыл стоя, не в силах даже открыть рот, не то, что бы крикнуть – ничего уже сделать было нельзя. Убиваться от сознания того, как по-подлому и просто поступили с ним сразу же, накрыв голову мешком и грубо утащив куда-то, тоже не было ни желания, ни сил – сейчас тело само этим занималось, то и дело взрываясь простреливающими болями – понятно, яд начал бродить в мышцах, да и после неизвестно сколько длившегося забытья где-то что-то затекло, и поскольку он не может толком шевелиться, надеяться на прекращение этой пытки не приходится. Да и думать о том, что ждёт в ближайшем будущем, сил тоже не было – тем более понятно уже, что ничего хорошего. Это вот как раз интуиция подсказывала весьма настойчиво, как и то, что вряд ли есть на что надеяться, вроде какого чудесного избавления – те, кто смог дожидаться, когда он отвяжется настолько, что выйдет за цветами для Хильды совершенно один, никого не предупредив, явно хорошо знали, что делали. Райнхард непроизвольно попытался горько вздохнуть от мысли о Хильде, и это вызвало несколько новых волн боли, от которых впору было вовсе задохнуться. Нет, выжить. Выжить хотя бы ради неё – что бы не ждало впереди... Это слишком тяжёлая цена за всё – знать, что она страдает из-за меня, пусть уж отыграются на мне тогда, сколько смогут – а то на черта было всё это нужно, хоть победы, хоть корона. Что там пел этот самозванный орден, который возглавлял этот странный юноша, что проектировал храмы? «Стоила костра корона в Реймсе, лилии не стоили цены»? Вот ведь весёлая забава, за лилиями-то я нынче и полез, получается – тоже мне, букет с нейтральной полосы, стало быть, из последней строчки. Райнхард вдруг почувствовал, что может улыбнуться – и не без удовольствия шевельнул губами. Всё же, самая лучшая строчка в гимне словоделцев – обозвались ребята с явной претензией, с явной – вовсе не там, а как раз посредине – «если где мерещится свобода, вслед за ней появятся гробы». Что ж, с такой сменой не страшно даже умирать, если что... Господи, позаботься о Хильде, прошу только об этом. Сын поймёт, когда вырастет.

Он пытался всё же двигать мышцами, чтобы разогнать кровь. Боль накатывалась страшная, но ведь приходилось когда-то в лихорадке терпеть, потерпим и сейчас – хоть какое-то занятие, да и сознавать, что он не совсем погиб, было приятно. И не так позорно будет встречать то, что ждёт вскорости – а там явно что-нибудь мерзкое... Сколько же прошло уже времени? Есть хочется... Ещё и душно – видать, его всё ещё куда-то везут, видать, это неблизко, конечно. Голова была ватной – точно траванули при захвате неслабо, и никак не улавливала никаких намёков на смену режимов – ну, хотя бы понятно, что старта с планеты не было, и он всё ещё на Одине. Если только... если только он не терял ни разу сознание – а вот за этот пункт поручиться нельзя, перед глазами темень такая, что ничего не разобрать. Людей он вовсе не чувствует – навыки, натренированные в пору слепоты, утрачены не были, однако ничьих эмоций поблизости, в нескольких метрах от себя Райнхард не ощущал, да и с более дальнего расстояния он не был объектом ничьего внимания. Так, а вот это уже подсказка... Катерозе, точно. Не Хильда – ей нельзя волноваться, пока он не выбрался. Катерозе, услышь меня. Услышь меня, пожалуйста. Я в беде, Катерозе, попытайся меня найти. Достань Кисслинга – он скажет тебе, где растут лилии, которые были на твоём свадебном платье, это не совсем они, но похожие. Там должны быть следы, где меня схватили – это уже зацепка. Да даже если и нет – ты

можешь почувствовать оттуда, где я. Катерозе, помоги мне – мне очень плохо. Катерозе, ты слышишь меня?

От нового напряжения накатилась крепкая волна дурноты, в ушах зазвенело, да ещё пришлось сделать неосторожное движение локтями, пытаясь шевельнуть скованными запястьями, и Райнхард отключился от боли, не успев понять, ушёл ли его мысленный крик в пространство. Он даже не успел представить перед собой лицо леди фон Кройцер, этой невозможной в своей бесшабашности флибустьерши удачи. Да и не знал бы он, обрадовало ли бы его знание одного небольшого события, что произошло через пятнадцать минут после его падения в небытие.

В кабинете Оберштайна раздался звонок по серой линии – по таким он отвечал только сам.

– Слушаю, – с извечной невозмутимостью проговорил он, не посчитав нужным поприветствовать собеседника – коли звонят так, то не до церемоний.

– Пауль, по ходу, у нас проблема, – столь же холодным тоном заявила рыжая бестия на том конце связи. – Оставайся на связи и дай мне Кисслинга, срочно. Немедленно.

– Что, нет времени пояснять? – с ледяным спокойствием ответил Оберштайн, нажимая нужные кнопки. – Пожалуйста, миледи.

– Не до шуток, Пауль, – фыркнула собеседница, и услышав нужный щелчок, рыкнула очень деловито, но грозно, – Кисслинг, срочно сообщите, как давно пропал император и где, чёрт возьми, растут белые лилии, а? Те, которые он мог отправиться рвать, думайте, Кисслинг, а не удивляйтесь!

Райнхард пришёл в себя от нового приступа острой боли и нехорошего ощущения, что с ним что-то делают. На глазах была очень плотная повязка – даже и надеяться нечего, что она сокользя или ещё что-то в этом роде. Руки в наручниках так и остались налитыми холодом и тупой болью, но за плечи явно кто-то держал, иначе бы он не смог стоять на коленях и грохнулся бы лицом вниз. Дышать было намного легче, и несло какой-то бредовой смесью пыли, шерстяной одежды, холодного металла и духов разных оттенков. Ужасно хотелось закашляться, но отчего-то Райнхард не спешил этого делать – сейчас он чуть ли не кожей ощущал множество людей вокруг, больше десятка точно, которые воспринимали его очень злобно, как минимум... Что-то подобное он ощущал и в юности, когда кайзер не скупился на титулы за победы, и каждый поход по ковровой красноте между стоящими навтыжку обычно злобными свидетелями его торжества был окутан такой тошнотворной ненавистью, что кто другой мог и споткнуться на ровном месте, а то и рухнуть на подкашивающихся ногах. Ни тогда, ни сейчас он не боялся – но молча выжидал и не торопился с телодвижениями. Но сейчас на шее под рубашкой висел нательный крест, – и, как ни странно было это ощущать, он как будто сам шевельнулся и завибрировал секунды на три... Может быть, Кирхайс? Кулон, полученный от призрака основателя рейха, к счастью, остался в кабинете – но с тех пор ни того, ни другого Райнхард поблизости не ощущал. Разве что Катерозе перед свадьбой, так напугавшая его словами про своё сходство с Кирхайсом – тогда ему на секунду показалось, что он слышит смех погибшего друга... Опять на ум пришла озорная мысль – осведомиться, нет ли на горизонте грозы, ага... Кто ж вы такие, злобные тени, радующиеся тому, что получили наконец власть мучать меня? Обличье-то у вас точно людское, надо полагать... Но так жёстко жать за больное плечо, ах, этак через несколько минут я не смогу сдерживаться и закричу, несмотря на всю выдержку.

Но у него отчего-то хватило сил не закричать и даже не скривиться от боли в плече и руках, когда его сильно встряхнули и поволокли куда-то – судя по чётко различимому стуку каблучков, конвоиров было двое. Тащили недалеко, но нарочито грубо держали и так, чтоб оставался на коленях – явно с умыслом. Он не сопротивлялся, но и не помогал – и, вопреки

ожиданиям присутствующих, как позже оказалось, молчал. Это порядком разозлило кого-то, и чей-то хриплый трескучий тенор с явным неудовольствием рывкнул едва ли не над ухом:

– Это что ли, знаменитый белобрысый сопляк, получается? А чего он не разговорчив-то?

Райнхард осторожно вздохнул, чтобы не дёрнуться всем телом – давно он не слышал этого старого оскорбления, но именно то, что он слышит его на Одине, уже хорошо объясняло, какого сорта тут командиры... Эх, предупреждала же его Катерозе, что старая аристократия однажды улучит момент для мести – а он только посмеялся. Самоуверенный мальчишка...

В ответ раздалось вполне приятное контральто:

– Да он же под парализатором ещё, по всей видимости. И потом, вы сами на месте этого красавца много бы говорили, а? – залиvistый женский смех отзывался тихим, но заметным эхом где-то вдали, значит, помещение отнюдь не тесное...

– Вот уж на чьём месте я не хотел бы вовсе оказаться уже! – с мрачным торжеством расхохотался кто-то ещё, явно не старше самого Райнхарда. – Чистая работа, однако, и если он не хочет разговаривать – не беда, ему придётся кричать.

– Так что вы тут намерены делать-то с этим золотоволосым? – с нарочито праздным интересом прозвучал тот же женский голос. – Меня лично ведь не всякий метод устроит, вы же понимаете. Всё-таки это моя территория.

– Не вы ли, сударыня, желали встретиться с ним в аду, а? – игриво засмеялись ей в ответ. – Вот мы и намерены исполнить Ваше желание, несравненная Вы демоница. Наша корпорация слов на ветер не бросает, но и мы очень желаем откусить от такого симпатичного гостинца кусочек, так что не взыщите.

– Ладно, грубияны, развлекайтесь, но не вздумайте мне оставить щепки, понятно? Не то останетесь без приза, – по полу застучали каблучки, и повисла небольшая пауза, очевидно, остальные ждали, когда говорившая удалится совсем.

Раздался препаскуднейший хохот:

– Парни, нужен ли нам ещё какой-то приз, когда у нас уже есть вот этот? – по раненому плечу ударили так, что перед глазами вспыхнуло белое пламя, и резкий стон всё-таки вырвался из груди, но он потонул в общей какофонии злобного смеха вокруг.

Райнхард ещё почувствовал сильный толчок между лопаток – а потом ощутил, что падает куда-то вперёд, лицом вниз. Он инстинктивно смог повернуться чуть влево – и рухнул на бок, упредив удар головой об жёсткую, кажется, каменную поверхность. Но руки за спиной не ощутили никакой опоры – и спина завалилась дальше вниз, в пустоту, пришлось рисковать раненым плечом ради того, чтоб не удариться виском. Затем рвануло дикой болью в скованных руках – они приложились об твёрдую ступеньку, вот что это такое, но тело уже набрало инерцию и понеслось дальше... Сколько же тут ступенек, что за огромная лестница, этак здесь совсем недолго разбиться насмерть, интересно, если оно так случится, удастся ли испортить врагам праздник? Бесполезно. Боль страшная, но голова цела, а руки, как ни странно, хотя болят безотрывно, но слабее, чем раньше. Плечо... Он лежит на нём, на боку, нужно сдвинуться, так, осторожно... Белая вспышка, и чернота.

– А я говорю вам, это недалеко, даже полсотни километров не будет! – Катерозе выглядела так, будто совсем не разнервничалась, даже лилии вставляла в пышную копну волос совершенно спокойными руками, без намёка на нервную дрожь. – Это по банальной тупой логике конечно, пленника надо бы увезти подальше, лучше на планету на краю системы, якобы чтоб было надёжней, – она перетянула свою странную причёску с многочисленными белыми цветками узкой алой лентой, что пришлась ей через лоб, и надо, сказать, была в этом виде неотразима, это успел против воли заметить всякий присутствующий, тем более, что больше никого из дам не было. – Дайте мне планы окрестных районов, разного масштаба. Установите, кому что принадлежит – на деле, а не на бумаге. Надо искать поблизости – уйти далеко, тем более

с планеты тихо стартовать, в их планы не входит – как хотите, но я права, – Катерозе вдруг совсем детским движением схватила за виски. – Ай, – вскрикнула она, зажмурившись, – уже начали, сволочи. Всё, у нас совсем нет времени, но они-то не знают, что мы в курсе вообще. Они думают, что обогнали нас на шесть часов – пусть думают.

– Идём к авто, – как всегда, ледяным тоном произнёс Оберштайн. – Пробуй, пока у тебя не было осечек.

Катерозе не без труда открыла глаза и поспешила за ним, сжав кулаки.

– Молитесь все, чтоб сегодня тоже не случилось! – в лучах закатного солнца она выглядела и вовсе как ожившая валькирия – в своём излюбленном чёрном кожане, расклёпанном виньетками из платины, сапогах до колена и кожаных брюках. Тёмно-синий плащ, огромный синий плащ, который носил сам адмирал Ройенталь, и белые лилии в огненно-рыжих волосах – это было слишком прекрасно и слишком сурово для любого восхищённого наблюдателя. Кроме того, Сверхновая-из-Хайнессена никогда не церемонилась с этикетом и субординацией – когда Миттельмайер узнал, что она позволяет себе иной раз называть министра обороны просто по имени, он на полминуты лишился дара речи, как свидетельствовал адъютант. Он тоже был здесь – и хотя восторгался красотой леди фон Кройцер вполне искренне, и пожалуй, был единственным в этом отношении, тоже побаивался её в глубине души. Про неё ходили страшные легенды – будто если она просила сделать человека что-либо, никто не мог отказать ей, а потом сам не знал, отчего так произошло... Будто она на самом деле командовала эскадронами смерти у себя на планете... Будто она собственноручно умела водить все виды транспорта, и сама порой переодевалась мужчиной так, что в любой схватке с кем угодно выходила победительницей, потому что никто не мог смотреть ей в глаза. Будто она лично зарубила не то боевым топором, не то вовсе какой-то саблей нескольких полевых командиров из партизан, что шарахались по Новым землям под флагом с портретом Яна Вэньли. Ну, и прочие ужасы, за пять лет обросшие невиданными подробностями. Даже Кесслер глядел на неё с опаской и не особо старался это скрывать. Тем более, что леди фон Кройцер своими манерами командовать безапелляционным тоном хоть и порядком угнетала, но разумность её приказов была столь неоспорима, что подчинялись даже те, кто по логике должен был сильно возмутиться от самого факта, что она позволяет себе такое. Интересно, как бы они «поладили» с Ройенталем, будь он жив, подумалось вдруг Миттельмайеру. Однако всё говорило в пользу дамы, увы и ах. Кроме того, она то и дело совещалась с кем-то по своему внутреннему каналу, роняя столь непонятные кодовые фразы, что становилось не по себе. Она вроде бы была полностью поглощена какими-то внутренними ощущениями, но ничего не оставляла без внимания – так, стоило приблизиться к месту, с которого всем стало ясно, что непоправимое произошло на самом деле, как фон Кройцер прошипела:

– Не светитесь на местности – императрица может заметить вас из окон и понять, что у нас беда. Забыли, что мундиры видать далеко? – и тут же бодрым и беззаботным голосом наплела августейшей особе что-то про рабочее совещание по розенриттерам, на котором все застряли крепко и надолго. Как ни странно, Хильдегарда не попросила поговорить с мужем – все с суеверным страхом решили, что это чуть ли не колдовство...

Но Миттельмайер увидел-таки, что ничего демонического при внимательном взгляде на леди заметить не пришлось. Более того, она на деле сама боялась, как видно, и очень сильно, только вот вовсе не за себя, понятное дело. Иногда казалось, что она в следующий миг разрыдается, как маленькая девочка, разбившая коленку – особенно ощущение усиливалось каждый раз, как она вздрагивала вне всякой видимой причины или молча закусывала губу. Тем не менее, сомнений в природном хладнокровии миледи у Оберштайна – было у неё среди штабных и такое прозвище – не было, видимо, у всех остальных мужчин, глазевших на то, как она методично разглядывает листы с картами, которые вежливым жестом положил перед ней на капоте авто сам старый айсберг, министр обороны. Катерозе смотрела внимательно,

потом проводила пальцами в воздушных золотых кольцах над изображением, молча откладывала в сторону лист и бралась за новый. Где-то на второй половине пачки она сделала резкое движение, схватив пальцами уголок схемы, и холодно спросила:

– Вот здесь, что это за унылые постройки и кому они принадлежали тринадцать лет назад?

– Ничего себе, унылые, – не сдержавшись, фыркнул кто-то из полицейских начальников, посмотрев на карту. – Это вполне себе фешенебельный старый особнячок, ему уже двести лет скоро будет, как ни больше, и это очень завидный кусок для любого желающего элитной недвижимости. Используется как загородная дача владельца, закрытое частное владение.

Катерозе слушала, молча прикрыв глаза, будто от сильной злости – во всяком случае, бледность на её лице окружающие были склонны интерпретировать именно так. Она кивнула в такт своим мыслям и холодно продолжила говорить, излучая в пространство чёткое ощущение натянутой до предела струны.

– Я же спросила не об убранстве, а о том, кому оно принадлежало тогда и сейчас, будьте добры уточнить. Я не видела ещё это частное владение, но оно мне уже не нравится – а это интересно.

Как ни странно, поспешил ответить сам Оберштайн, выглядевший в лучах заката мрачной скалой среди живописной зелени парковой аллеи, где происходило импровизированное совещание.

– Это осколок так называемой при династии Гольденбаумов земли Лихтенладе – он владел здесь огромной территорией, но именно эту часть не сочли нужным конфисковать, поскольку она оказалась в собственности человека, не служившего ни самому Лихтенладе, ни кому-то из аристократов-изменников, кроме того, владелец сам никогда к аристократии не принадлежал. Владелец ничем не знаменит и не примечателен.

– Но особнячок красивый, да? Поди, ещё и уютный? – усмехнулась Катерозе, не шевелясь.

Ответил тот же полицейский:

– Вполне приличный, леди, Вам бы там точно понравилось.

Она резко открыла глаза, и от пламени, полыхавшего там, отшатнулся не только говоривший.

– Боюсь, придётся это проверить. Вы там бывали, стало быть? Дайте мне всё же изображения покрупнее.

Полицейский слегка замялся, чуть пожал плечами, в его чёрных глазах промелькнуло какое-то сомнение...

– Вы угадали, сударыня, я сам давно хочу приобрести это владение, но я бывал там уже давно, три года назад, потому что мне дали понять, что оно не продаётся.

– Вы приходили туда в форме? – поспешно произнесла Катерозе.

– Да, разумеется.

– Уже хорошо, – совсем тихо сказала она, будто снова обдумывая что-то, и вдруг резко развернулась всем корпусом в сторону Оберштайна, будто хотела атаковать. – Не ошибается тот, кто ничего не делает, а ничего не делать нам вредно, верно?

– Пробуй, я сказал, – сурово ответил тот, никак не отреагировав на её выпад. – Что ты хочешь сделать?

– Можно сделать некоторый финт – отключить энергоснабжение района на пяток минут, чтоб все заметили, но не успели занервничать?

Миттельмайер похолодел, да и остальные почувствовали себя так, будто конец этого мира приближается и наступит где-то через часок – Оберштайн улыбнулся в ответ этой рыжей валькирии! И молча кивнул! Катерозе же восприняла это совершенно спокойно, как должное –

и продолжила быстро частить, совершенно невежливо походя указав пальцем на полицейского, с которым только что говорила.

– Если это стандартная старая дача, то планировка внешнего уровня мне понятна, но мы ничего не знаем, увы, про то, что не указывается в техпаспортах. Скоро стемнеет, и можно будет подобраться поближе – да хоть под видом заблудившихся туристов. Если она пуста, то это тоже может ничего не означать – а вот этого, который был внутри, но его явно не запомнили из-за формы, нарядим электриком и запустим внутрь после того, как поиграем с рубильником. У меня нет времени искать другого типа, ничего личного. Я бы даже оцепила местность, будь моя воля, но осторожно, без формы всем. Пока не село солнце, мне нужно также кое-куда позвонить, отвезите меня куда-нибудь, где закат виден хорошо, а машину будет незаметно. Машина мне нужна с прослушкой всего, что можно – и с функцией некоторых пиратских звонков по внешне не существующим номерам. Кроме того, следует позаботиться и об этой местности – уезжаем-то сейчас по делу, а к утру на этот замок могут совершить налёт.

– О последнем пункте позаботятся особо, – вдруг вставил Кесслер, угрюмо молчавший всё время до того. – У меня нет принципиальных возражений. Машину с техниками я предоставляю, леди фон Кройцер, можете взять её прямо сейчас.

Она величественно кивнула ему в ответ в знак благодарности, лилии на пышной причёске чуть вздрогнули. Затем сделала несколько шагов в сторону, оставляя мужчин перебрасываться нужными замечаниями, и остановилась у столетнего кедра, опираясь ладонью правой руки на ствол дерева. Миттельмайер воспользовался этим, чтоб подойти поближе со спины, и заметил, что другая ладонь девушки, с силой зажата в кулак, едва заметно дрожит. Он отчего-то чувствовал необходимость подойти к ней совсем рядом, и ему удалось расслышать то, что не было слышно никому.

– Что они с тобой там делают? – лихорадочно шептала Катерозе, содрогаясь от беззвучного плача. – Держись, пожалуйста, Райнхард, ты сильный, ты сможешь. Дождись нас, ради Бога, Райнхард, бывает и хуже.

По лицу хлестнули чем-то вроде мокрого платка или полотенца, и хотя повязки уже не было, ничего было не видно, кроме слепящего потока света, от которого только и оставалось, что закрыть глаза. Райнхард почувствовал, что снова стоит на коленях, но руки сцепили уже другими наручниками, и не за спиной, а спереди, но они всё равно очень ощутимо болели там, где их накололи шипы. Спина упиралась во что-то очень твёрдое, а за волосы его держали слишком грубо – кабы не сильные ушибы, которые он наполучал, свалившись с лестницы, он пожелал бы вырваться или хотя бы дёрнуться в ответ на такое обращение. Но где-то внутри уже крепло понимание, что именно тем, что почти не реагирует, Райнхард очень злит довольно многочисленных врагов, не давая им толком посмеяться. Так оно и было на деле.

– А он вовсе не так прост, как мы думали в начале, – за напускным спокойствием неизвестного говорившего, видимо, это он накрутил волосы на свой кулак, вполне угадывалась неслабая ненависть. – Как видите, он сейчас в сознании, иначе бы стонал. Похоже, он просто не хочет разговаривать – а это лишние хлопоты, право.

– А мы никуда не спешим, – глумливо хихикнули в ответ. – Не вижу проблемы. Бросьте его на пол да поясним ему, кто он сейчас такой, все сразу – вот и захочет после общаться, я уверен.

– А я вот не уверен, что вы не стряхнёте ему башку раньше, – невозмутимо заметил первый голос, содержащий в себе что угодно, кроме искреннего беспокойства насчёт сказанного.

– Примем к сведению, да и всё, – беззаботно ответил веселившийся. – Не порти нам забаву.

– Ладно, играйтесь, но не калечить всерьёз и не бить на убой, а то отключится до утра, и что, будете с тоски в потолок шмолять? Человек, вообще-то, система хрупкая, не то, что вы,

с вашими головами в лесу можно без топора обойтись, – недоверчиво проворчал ему в ответ начавший говорить. – И не долго, а то забудёте насмерть.

Райнхард едва не взвыл от боли, когда его рванули за волосы резким рывком и швырнули на пол с такой силой, что тело само грохнулось. Ничего предпринять он не успел – сверху посыпался град ударов куда попало, так что пришлось прикрывать лицо ладонями. Удары были страшными – каждый такой, что становилось странно, что он ещё в сознании. Он смутно понимал, что его валяют по полу ногами, но сколько было тех, кто этим занимался? Неужели не один десяток, а целая рота? До его слуха постоянно доносились взрывы глумливого хохота после каждого раза, когда тело пыталось выгнуться на рефлекс от сильной боли, но довольно быстро и эта реакция стала затихать, а молча дышать становилось всё труднее. Похоже, все предупреждения ворчуна пошли прахом – в какой-то момент Райнхард понял, что надеяться на прекращение казни не приходится, и развеселившаяся орава сама не заметит, как прикончит его. Он без сил остался лежать, не шевелясь и никак не реагируя на неутихающий ливень ударов. Катерозе, неужели ты так и не успеешь прийти на помощь? Как жаль...

Миттельмайер осторожно положил ладонь на плечо леди фон Кройцер. Против ожидания, она не сбросила её резким движением и не огрызнулась вслух. Только уставшим взглядом покосилась в его сторону и молча кивнула с тяжёлым вздохом.

– Что там? – тихо спросил он, сам не особо понимая, что говорит. – Что... – он осёкся и только вздохнул сам.

Катерозе посмотрела на него неподвижным взглядом, только сейчас было видно, что её огненные глаза блестят так, что ей впору только заплакать. Похоже, она решала, стоит ли разговаривать вообще. В этот момент зазвенел сигнал вызова, где-то в недрах не то её причёски, не то в складках слишком знакомого Миттельмайеру плаща, чтоб можно было считать это простым совпадением... «Мне говорят, что я непобедим, что я дерусь недопустимо жёстко, – затрещала на звенящий мотив автомата, – да мне-то что, я против всех один, да защищаюсь знаком перекрёстка...» Катерозе опомнилась и, молча на миг прикрыв глаза в ответ Миттельмайеру, тронула свободной рукой что-то среди складок под плащом:

– Да, Йозеф, я на связи, слушаю.

– Мы прибыли на базу, – прошелестел тихий добрый голос. – У тебя есть новости? А то именно сегодня снялись с места радужные упыри, представляешь? Полчаса уже, как в пути, вся кодла в полном составе.

– Вы отслеживаете, куда они движутся? – встрепелась миледи. – Я ещё не звонила розенриттерам, и место, куда утащили букет с нейтральной полосы, только в стадии разработки.

– Могу пока точно сказать, что движутся они точно в сторону вас, но ведь разброс может составить до двух десятков километров, – вежливо говорил неведомый собеседник, от его тихой уверенности в благоприятном исходе любого дела веяло чем-то необычайным. – Может, подскажешь мне ориентир, да я пойму, по курсу ли им оно сейчас.

– Посмотри, накрывают ли они в таком случае особняк Эрледижена, – очень быстро проговорила она, полностью замерев с остекленевшими от напряжения глазами.

– Та-ак, – деловито протянули на том конце связи, – проверим... – и уже совсем изменившимся от удивления тоном добавили. – Слушай, всё отлично совпадает, они туда и летят, вот спасибо за подсказку...

– Тебе спасибо, что сообщил, теперь мы всё должны успеть! – с чувством выпалила она.

– Так это, – радостно усмехнулись вдали, – миледи, слово и дело, а то ж как ещё! Ждём указаний.

– Слово и дело, – почти прошептала в ответ она, разговор оборвался.

Миттельмайер посмотрел на неё столь доброжелательно и умоляюще, что она сдалась.

– Ладно, Ураганный Волк, думаю, ты уже имеешь право это знать, – очень тихо сказала она. – У меня нерешённая проблема со сбежавшими чёрт знает куда розенриттерами, которые ненавидят императора, и орден белой лилии, что предан династии Лоэнграмма, но не афиширует свои предпочтения и рвётся в бой, понимаешь?

– Вполне, – он вежливо кивнул головой. – Но однажды некто Мюзель вытащил меня из плена, ты это понимаешь? А кто такие твои с белыми лилиями, я не знал и знакомиться уже некогда. А ещё ты можешь не знать ещё одну старую фамилию, которая сейчас обзывается Эрледижен, а двадцать лет назад звучала совсем иначе.

Катерозе почувствовала, что земля качнулась у неё под ногами слишком опасно...

– Верно, не знаю, говори, – вежливо попросила она, холодея от неведомого ужаса.

– Ипатьев, – холодно сказал он и успел аккуратно подхватить её под локоть. – Так что бери на борт, не отстану.

Всё-таки выдержка у леди фон Кройцер была железной – никакого резкого визга она не издала, хотя на лице сейчас было прекрасно видно всё, что она думает по поводу услышанного.

– Что ж, у меня будет не самый обычный напарник сегодня, – она старательно произносила слова холодным тоном, силясь поскорее отойти от потрясения, – но значит, так тому и быть. Только не лезь на рожон, ладно?

– Точнее, ты хотела сказать, чтоб не лез вперёд тебя, да? – он вежливо отпустил её и слегка поклонился. – Но тогда ответь, что там. Что с ним там? – при этих словах он посмотрел так, что Катерозе едва не разрыдалась сразу же и в голос.

– Ему больно, – едва слышно сказала она шёпотом. – Ему очень больно, но он ждёт, что мы успеем вмешаться. Ах, если бы он хотя бы носил нужные пуговицы, мы бы знали, где это, сразу же! А так остаётся молиться, чтоб моя провокация сработала.

Миттельмайер кивнул головой, молча пожал плечами и подал ей руку. Она вежливо приложила свою, и к остальным они вернулись уже вместе. Оберштайн взглянул на них как на совершенно обычное явление, остальные же, по-прежнему пребывая в шоке от случившейся беды, уже устали удивляться.

– Электрик отправился, у нас есть полчаса где-то, – будничным тоном заявил министр обороны. – Что, новости получены?

– Да, мы делаем всё верно, – заявил вдруг Миттельмайер. – Все сведения подтвердились. Оберштайн молча кивнул.

– Едем звонить, – устало произнесла Катерозе. – По дороге надо будет сварить кофе покрепче, право.

Холодно. Наверное, вечер, раз на полу так холодно – да и в рубашке, без куртки, неудивительно. Интересно, увижу ли я солнце ещё раз? Хорошо бы. Сколько прошло времени? Наверняка не очень много, просто оно растягивается от безысходности. Что ж, остаётся только утешаться тем, что дали небольшую передышку, а вот было бы здорово дождаться и выжить. Хотя сам во всём виноват, конечно. Завоевал Вселенную, ага, чтоб вот так валяться сейчас, боясь пошевелиться от боли, какая грустная ирония. Впрочем, знай я об этом заранее, это ведь меня бы не остановило, верно? А вот слушать советы друзей никогда не мешало, вообще-то – жаль всех, с ума там явно сходят от горя. Особенно... нет, нельзя о ней сейчас думать, ещё почувствует что-нибудь не то. Хильда, увижу ли я её когда-нибудь? Господи, позаботься о ней, это всё, о чём прошу.

Райнхард совсем упустил из вида, что выдал себя – палачи уже поняли, что он пришёл в сознание, оттого что лежал молча. Однако они были чем-то отвлечены, слышались голоса, будто сквозь вату.

– Нет, ну что за безобразие, – кипятился кто-то, – сначала как по заказу забава портится от этого отключения энергии, а после ещё и этот дурень является мешаться!

– Да ладно, что такого-то? – спокойно отвечали ему. – Ну рвануло случайно где-то, починили же быстро, и потом, что странного – уважают, раз прислали техника с проверкой.

– Да ну, настроение уже не то как-то...

– Ты что, торопишься? В кои веки оно лишнее сегодня, выпей лучше...

Райнхард против воли насторожился. Отключение энергии? Да эта толпа не местные, здесь от веку такого не бывает, это же старая столица, всё-таки... Так вот почему избиение прекращено – только вот не верится, что всё это случайно. Впрочем, вроде не беспокоятся всерьёз, дураки, а зря – уж не рыжая ли чертовка даёт о себе знать такими намёками? Или ему в бреду голос Катерозе просто примерещился, когда от ударов уже хотелось умереть сразу? Ах, до чего же обидно быть таким беспомощным, ведь даже дышать толком тяжело.

Загрохотали чьи-то сапоги с набойками, приближаясь – кажется, трое или четверо. Впору взвыть от боли, позабыв про всё – Райнхард понял, что его опять рывком ставят на колени, но предпочёл уронить голову на грудь и не открывать глаза, чтоб никого не видеть. О том, что это воспримут как вызов с его стороны, он просто не подумал.

– Глядите-ка, до чего наш гость заносчив – так и не желает разговаривать, – с ненавистью прохрипел кто-то.

– Ну так мы же его не угостили, – с глумливым смехом отозвались над головой, – придержите-ка, чтоб не дёргался...

Райнхард даже почувствовал, что в нём ещё может закипать гнев – за волосы рванули слишком сильно, запрокинув голову вверх, а потом с такой силой разжали челюсти, что пришлось подчиниться от нехватки сил, и в горло хлынул жгучий поток какой-то пакости, похожей на слишком дешёвый портвейн. Он с неожиданной даже для себя силой мотнул головой так, что явно вырвал её из чужих пальцев, и с удовольствием плюнул вниз тем, что ещё не успело попасть внутрь. Рёв, в котором удивление преобладало над животной злобой, прокатился где-то по сторонам и вроде как ушёл вверх. Райнхард произнёс только одно слово, очень крепкое портовое ругательство, которым не пользовался с тех пор, как стал герцогом, но этот удар враги почувствовали в полной мере, ответив нечленораздельным воем, полным ненависти. Тут же по щеке хлестнули так, что мало ему не показалось, но он лишь снова молча уронил голову на грудь и затих. Где-то вдалеке раздался рафинированный хохот и нарочито жеманные хлопki, будто кто-то аплодировал, издеваясь.

– Что, съели, рыцари розочки, этак он вас приложил-то? – проговорил некто развесёлый и манерный до тошноты. – Всё правильно, вы не умеете оказывать почести сообразно рангу, несчастные плебеи. Придётся показать, как это делается, – и обладатель этого слащавого головсочка громко щёлкнул пальцами несколько раз, явно отдавая кому-то какие-то указания.

Вокруг негромко, но зашумели и завозились – явно приближался ещё кто-то, кто не обрадовал своим появлением массовку. М-да, шуму, как от двух рот, не меньше, но всё равно же целая толпа сверлит взглядом лицо, ни за что не открою глаза, а то кабы не увидеть чего такого, от чего нервы сдадут раньше времени. Итак, засада, тут действительно и розенриттеры, и какие-то вырожденцы из старой аристократии – а значит, где бы всё это не творилось, шансов выбраться никаких... Погибать в космосе было не страшно – обожгёт мгновенно волна горячего взрыва, потеряешь сознание сразу, и уже труп. А тут фантазия у дегенератов и отморожков имеется, и времени у них хватит порезвиться. И даже думать страшно, что сделают с телом потом. Господи, если они тут намерены не торопясь разрывать меня на куски, сделай так, чтоб я сразу умер тогда, неохота служить развлечением подонкам. И позаботься о моих людях, я уже ничем им не могу помочь.

Райнхард не ошибся – тяжёлые шаги не спеша приближались, и те, кто держал его, ослабили хватку, а потом и вовсе отпустили и шагнули в сторону. Он аккуратно взялся контро-

ликовать ноги, пытаюсь встать – сначала с правой, потом осторожно выпрямить левую... Ах, до чего больно, но ничего, выпрямляемся, так надо, иначе все решат, что я зря столько времени провёл на «Брунгильде»... Ага, шумят уже испуганно, хоть какая-то мелочь, ладно. А теперь не спеша придётся открыть глаза – да что я, смерти в лицо не смотрел, что ли, подумаешь, ещё одна в человеческом обличье...

Так. Ну и унылое же место – похоже, нижний этаж, изначально спроектированный под потайной в старом особняке и весь выложенный диким камнем, или же огромный погреб, где могли хранить запасы на дивизию – то-то сюда действительно около двух сотен ублюдков и набежало, а вон и каменная лестница, ага, странно, что я цел настолько, что смог встать. Стало быть, точно Один, и времени от силы на подзакатье и прошло. Ну и рожи у вас, флибустьеры позора, поди, сам отец Катерозе бы уже плевался бы от такого контента боевого подразделения. И гражданские тоже красавцы, ага, ещё хуже. Чего глядите-то так испуганно, я тут в оковах или вы? Это мне полагается бояться, наверное – вон какое погребовище мне навстречу шелестит, я такое только видел, когда мы за Миттенмайером в тюрьму ходили по молодости. Да только нет у меня нынче ни Кирхайса, ни Ройенталя, да и не знает никто, где я сейчас, и Миттенмайер тоже, чего забоялись, что смотрю неласково? Ах ты чёрт, да это же, кажется, тот самый палач из той тюрьмы и есть, просто постаревший уже... Эге, я пропал – эти трусы ничего не забывают, да и сил моих хватает только стоять, на поединок меня не хватит, даже с самым скромным противником. Однако у него тоже страх в глазах проскочил, это приятно. Рискнём, всё равно ж погибать, так пусть не рады будут.

– Освободи мне руки, – ледяным тоном приказал Райнхард, когда чудовище приблизилось почти вплотную.

– Я не за этим пришёл, – ехидно ответил тот, остановившись.

– Тогда катись к чёрту, – равнодушно ответил император и отвернулся всем корпусом, сложив скованные руки на груди и уставившись куда-то вверх, в пустоту.

Ждать долго не пришлось, ждать вообще не пришлось – но такая действительность превзошла все возможные ожидания... Такой боли, как будто в тело впечатался кубометр расплавленного металла, Райнхард не испытывал никогда в жизни, и он с трудом смог понять, что падает на пол лицом вниз с жалобным криком: «Кирхайс!». Изуверы, да на сколько ж вы прикрутили режимы на электрохлысте, этак же сердце просто остановится разом, и останетесь без забавы, дурачьё. Ну всё, посмотрели раз на меня, и хватит – я бы если и хотел шевельнуться, да сейчас точно не смогу. Ах, какая волна жара внутри, этак лихорадка кажется уже чем-то комфортабельным. Катерозе, прости меня, простите меня все, я не выдержу этого, так я не могу.

Передышки ему не дали – и новая пучина ада обрушилась ему на спину, проникая везде... Райнхард почти не осознавал происходящего, а между тем присутствующие услышали чёткое и горестное: «Ройенталь!» – и этот крик, казалось, ушёл вовсе наверх, не желая эхом звучать здесь.

– Чёрт возьми, – сурово проворчал кто-то из розенриттеров, – он так и не желает с нами разговаривать, это же его погибшие друзья, – и демонстративно налил себе стакан и залпом выпил.

– Продолжай, – с сильным неудовольствием в голосе приказал палачу его начальник.

Райнхард не слышал ничего из этого – но новый удар вырвал у него из груди только громкий стон: «Фаренхайт!». Общее настроение уже и так не было весёлым, а сейчас и вовсе стало склоняться к унынию. Палач тупо продолжал, не особенно заботясь о том, что делает, Райнхард, похоже, был и вовсе не в себе, однако на каждый удар называл новое имя, будто звал погибших в свидетели – именно такое ощущение отчего-то стало проявляться у всех присутствующих. Наконец один из полевых командиров резко встал, крупными шагами приблизился к палачу и вырвал хлыст у него из рук. Тот не выказал сопротивления, лишь поклонился

с подобострастной улыбкой, а новоиспечённый самодур демонстративно взялся рассматривать орудие пытки с видом заправского ценителя:

– Ничего личного, мужик, но регулятор у тебя сломан на максимуме – так нельзя по всем нормативам, – и он бесцеремонно вытащил из ручки батарею и забросил куда-то вверх. Она пролетела все ступеньки и шмякнулась наверху об пол, тоненько пискнув – вряд ли её можно было вскоре заставить работать.

– Джентльмены, – важным тоном сказал новый персонаж, – рекомендую мероприятие прервать, исключительно по техническим причинам. Иначе вы ничего не оставите от нашего гостя себе даже на закуску.

– Я протестую, – взвизгнул манерный начальник палача. – Если вы портите нам вечеринку, то должны предложить что-нибудь взамен.

Брутальный вояка картинным жестом сложил руки на груди и расхохотался – он явно подсознательно пытался копировать жесты легендарного в среде розенриттеров капитана Шёнкопфа.

– Я Вам не затейник, это не моя работа. А вечеринку портите вы своим криворуким удолбаном, который не умеет оружие в руках держать и сам не понимает, что делает. Вы что, сами не видите, что пауза нужна? Вот и заткнитесь, а лучше включите музыку, скучновато как-то стало, – он нарочито криво усмехнулся. – Шучу, жрать уже охота и выпить, или остальные против?

Тут же возникло очень бурное оживление и суета, и напыщенный сноб молча махнул рукой в знак согласия. В несколько минут развернулась довольно разнузданная пирушка, с хохотом, прибаутками и плясками. Однако всё это никак не проникало в залитое болью сознание пленника – он так и остался лежать на полу на боку, потому что спина сейчас была похожа на одну сплошную рану, а скованные руки мешали лечь вверх спиной. Где-то через четверть часа – однако время среди сплошной боли перестало вообще существовать – Райнхард с трудом понял, что что-то происходит. Его приподнимал, и на этот раз очень осторожно, как раз тот самодовольный командир, что остановил экзекуцию – впрочем, хотя глаза Райнхарда и были уже открыты, но ничего не указывало тому на то, что эти глаза видят происходящее.

– Давай пей, – тихо, но внятно и без злобы произнёс незнакомец, – тебе полегчает, не бойся, – и осторожно поднёс к губам раненого стакан.

Тот отчего-то молча подчинился – и хотя действительно старое имперское вино фактически вернуло его к жизни, жить ему уже не хотелось. Розенриттер даже поймал себя на том, что вздрогнул от ничего не содержащего сейчас взгляда – и, быстро скинув с себя верхнюю куртку, осторожно уложил раненого на неё – но никакой реакции, кроме едва шевельнувшихся губ, не последовало. Он наклонился, чтоб услышать, и смог разобрать довольно ясно:

– Катерозе фон Кройцер, прости меня, я не могу больше держаться. Прости меня, Катерозе, – и глаза пленника медленно закрылись. Розенриттер поспешно тронул его за шею, проверяя пульс, не без явного облегчения вздохнул, встал и вернулся к пирующим.

– Так, и что там происходит? – холодно спрашивал Миттельмайер у недавнего собеседника. – Вполне себе обитаемый дом, стало быть? – он довольно крепко сжимал сейчас ладонью пальцы Катерозе – та, вопреки всему, вовсе не возражала, предпочтя вдруг говорить меньше, но слушать и только глаза её продолжали поблёскивать в полумраке салона спецавто, как будто внутри у них был автономный источник питания.

Полицейский сейчас был вовсе не похож на себя самого – действительно, увалень-простолудин, который сам не рад таскаться вечером по чужим полям и поместьям с ящиком датчиков и инструментов.

– Там по словам той, что мне назвалась хозяйкой, идёт вечеринка. Сейчас обрабатывается изображение, посмотрите, кто это. Тем не менее, музыки я не слышал и особо гостей не видел

вовсе. Похоже, мероприятие у них проходит в цокольном этаже. Меня поторапливали, говоря, что ещё не все гости прибыли, мол, нечего тут... Но поставить жука я успел, правда, только самого универсального. Это не женщина, а чёрт в юбке, всё видит.

– Логичнее было бы закатить вечеринку на первом этаже с выходом на открытый воздух, всё же? – задумчиво обронил Миттельмайер, скорее для себя, чем для окружающих. – Мне уже тоже всё это шибко не нравится.

– Всё, заработала! – вскинул кулаки кто-то из техников, корпевших над автоматикой. – Всё, сейчас у розентриттеров будет звоночек с записью миледи. Ждём-с, – азартно добавил он, – чувствует моё сердце, что попадём туда, откуда теперь жук фонит.

– Следи уж, – мрачно ответил ему коллега, – а то как оборвут, не дослушав, так и не успеем зафиксировать.

– Они дослушают, – уставшим голосом произнесла Катерозе. – Я знала, что им говорю, дослушают. Ну, и что это за мымра, вообразившая себя пиковой дамой, знает кто-нибудь или нет? – она с ненавистью воззрилась на изображение, переданное разведчиком.

Миттельмайер застыл с открытым ртом, и в повисшей тишине вдруг раздалось очень неприличное ругательство – это прогремел на весь салон Оберштайн, доселе молчавший, как замшелая скала посреди дикого леса.

– Согласен с Вами, сударь, – поспешил вставить адмирал. – Других эпитетов для Эльфриды Кольрауш я тоже не применяю давно.

– Ах, так вот кто заварил всю эту кашу, – ехидно осклабилась Катерозе, вставая и выпрямляясь во весь рост. – Подождите, дайте мне понять, чего она хочет и как, похоже, она очень кстати окажется в этом раскладе, старый шулер Ройенталь отлично играл в карты, может, и мы не подкачаем... – она шагнула в экрану и накрыла пальцами правой руки место, где проявлялись глаза внучки покойного Лихтенладе. – Как раз и повстречаемся, змея, ну же, начинай уже ревновать – самое время!

Миттельмайер повернулся к Оберштайну и ошарашенно спросил:

– А им-то чего делить, а? Ройенталь давно мёртв...

– Позиции и территорию, – спокойно отозвался тот. – Одна хочет хорошо отыгаться и уничтожить то, что ей несимпатично, другая загрызёт кого угодно за то, что ей дорого. К сожалению, интересы змеи и дикой кошки пересеклись, но это к счастью для нас всех.

Миттельмайер озадаченно покачал головой.

– Не больно-то приятно быть призом в чужой драке, но я ставлю на кошку.

– Я не столь категоричен, но это всё, что нам пока остаётся. Взгляните сами, тут штурмовать на деле нечего, но наличие заложника исключает проникновение кого бы то ни было с подобными целями, – Оберштайн говорил ровно и спокойно, но всё же безрадостные интонации были заметны. – Розентриттеры не дураки и не заглотят никакой наживки, не выдернув к себе сначала рыбака. Поэтому пусть миледи резвится – а ну как у неё получится то, что нам надо, но совсем иначе?

– Похоже, всё к тому идёт, – хмуро насупился адмирал. – Во всяком случае, один раз я уже послушался совета одной леди, накануне Вермиллиона, и не жалею об этом.

Катерозе тем временем убрала руку с экрана, повернулась к нему спиной и схватилась ладонями за виски.

– Ах, какие же они гнусники там все... – едва слышно прошипела она себе под нос, чуть склонив голову вниз. – Я лично после всего напалмом выжгу эту помойку... Ну что там с пеленгом, разобрались, куда ушёл звонок? – добавила она уже громко, с апломбом повелительницы.

– Да, леди фон Кройцер, – вежливо ответили ей с места техников. – Как и ожидалось, звонок был принят в цокольном этаже особняка Эрледижен. Передача была прослушана полностью, не прерываясь ни разу.

– Уже неплохо, значит, слушали, гады, – злобно ухмыльнулась она, складывая руки на груди. – Что ж, они сами себя хоронят, пусть, пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, у нас есть дела поважнее. Ураганный Волк, проверь, пожалуйста, не поступало ли тебе лично каких звонков домой, или в рабочий кабинет, или твоим доверенным лицам с просьбой найти тебя, ну, и прочие варианты связи с тобой. Если нет – дай удобные тебе координаты, сейчас тебя будет разыскивать некий таинственный персонаж, а нам он нужен.

– Понял, – деловито ответил Миттельмайер. – Будет сделано.

Полыхнул экран экстренной связи, и появилось хмурое лицо Кесслера.

– У нас занятые передвижения вокруг замка императора, это раз. Просто сообщаю, ситуация под контролем. Второе поважнее – явился с повинной адъютант Меркатца и рассказывает детали похищения, сообщает имена и функции исполнителей.

– И всё? Негусто, – фыркнул Оберштайн презрительным тоном. – Чем он мотивирует свой поступок?

– Честолюбивое чистоплюйство, я бы сказал, – тем же тоном ответил Кесслер. – Дескать, его господин дрался с императором в честном бою, а то, что было сделано – отвратительно и безобразно.

– Ага, нервы сдали – побежал сдавать сообщников? – Оберштайн даже криво усмехнулся.

– Да он плетёт какую-то ерунду про то, что его обманули, чего-то не рассказали, ну, как всегда.

– Кесслер! – вдруг вскрикнула Катерозе, даже протянув руку в сторону экрана. – К чёрту перебежчика, срочно установите дополнительную охрану к дому адмирала Миттельмайера, а лучше и вовсе эвакуируйте всю семью по-тихому. Быстрее, прошу Вас!

– Слушаюсь, – ответил тот, подождал, пока Оберштайн кивнёт ему, и отключил связь.

Как грустно и как печально. Странно, стоило сломаться – и всё, оставили в покое. Да вот надолго ли, скорее всего, вовсе ненадолго, во всяком случае, восстановиться мне вряд ли удастся до этого момента. Да и не уверен я вообще, что мне вовсе теперь что-то удастся – размазали так, что можно делать со мной что угодно – даже мысли о том, чтоб сопротивляться, не появится. Какого чёрта я не умер во время этой пытки? Я себя даже в теле своём не чувствую толком, что со мной, не пойму. Больно, и всё. Больше ничего, только больно везде. Где я, по-прежнему там, где глумилась эта орава мерзких рож, или ещё где-то? Катерозе, что со мной? Где ты, рядом или снова где-то вдали? У меня нет сил, я боюсь, Катерозе, сделай что-нибудь. Помоги мне, я, похоже, погибаю.

Райнхард попытался тряхнуть головой, это удалось лишь отчасти, но привело его в чувство окончательно. Правда, пришлось об этом пожалеть почти сразу – мало того, что во всём теле отозвались мириады злых иголок, так ещё и в голову, где свободно разгуливала сильная мигрень, ворвался шум и гомон вражьей пирушки. Насколько хорошо то, что пока им не занимаются? Но всё же, именно сейчас стало понятно, что происходящее уже подпало под категорию «невыносимо». Хотелось закричать так, чтоб навсегда сорвался голос. Хотя бы. А то, тоже неплохо, получить смертельный удар каким-нибудь клинком. Только не лежать тут почти безжизненной тряпкой на потеху слизнякам в человеческом облике. Ну, или пусть сгорит к чертям всё вокруг, плевать, что вместе со мной. Стоп, император, это называется истерика. Ничего хорошего, конечно, но сам факт её наличия уже говорит о том, что пусть самые ничтожные, но силы ещё есть. А это не повод ими бросаться. Не можешь на деле ничего – лежи, возможность выиграть время всегда пригодится. Эх, до чего же сложно самому применять все эти советы на себе. Всё же до такой слабости ещё не доходило, не припомню. Всё же, хочется, чтоб случилось ну хоть что-нибудь. И желательно, хорошее. Или в этом аду надеяться на это глупо?

Шум затих по вполне себе уважительной причине – тренькнул сигнал вызова в блоке связи у розенриттеров – этот чемодан очень легкомысленно позабыли у стены ради стаканов

и бутылок. Взревел разухабистый баритон самого вызова: «Запылился в кладовке парадный мундир, мышь сгрызает от розы погоны. Нам досталась судьба защищать этот мир – вне закона уже, вне закона!» Райнхард почувствовал, что заинтригован, и чуть открыл глаза – оказалось, что звук доносится как раз с той стороны, откуда ему было бы удобно, не шевелясь, увидеть изображение, кабы оно появилось.

– Что за чертовщина, – взвыл кто-то из солдат удачи, – это ж позывной самого Шёнкофа!

Автоматика бесчувственно продолжала наяривать: «В этой нищей, забитой, пропащей стране, так похожей на общую зону, кто-то должен остаться в последней войне вне закона совсем, вне закона!»

– Да неужто сам с того света, с него стало бы, братва! Хватай трубку! – раздались разные голоса.

Застучало несколько сапогов, и кто-то самый быстрый подскочил и нажал нужную кнопку. На пустой пол хлынул сначала резкий белый конус света – Райнхард с удовлетворением отметил про себя, что видит его полностью. Затем в конусе появилась фигура в лучах закатного солнца – как будто в чёрном мундире или что-то в этом роде, но в огромном плаще синего цвета, который не вызывал иных ассоциаций, кроме давно погибшего адмирала Ройенталя... Но фигура в чёрном была женской – а женщина огненно-рыжей, с мощной гривой роскошных волос, перетянутых алой лентой через лоб, и украшенной множеством белых лилий. По помещению прокатился общий вдох восторга. Женщина стояла, с вызовом сложив руки на груди, и чуть покачивалась на каблуках высоких сапог – от этого формировалось стойкое ощущение, что она намерена говорить как минимум очень серьёзно.

– Ну что, добрый вечер, якобы, дорогие вы наши розенриттеры, – довольно высокомерным тоном роняла слова леди фон Кройцер, а Райнхард чувствовал, что вне зависимости от того, что сказано, в его теле постепенно утихает боль. – Последний у вас нынче добрый вечер, к слову. Для тех уродов, кто не понял, с кем имеет честь, напоминаю – с вами говорит невестка Яна Вэньли, дочка капитана Шёнкофа, леди фон Кройцер с Хайнессена, а также командор ордена Белой Лилии. Итак, вы сделали то, чего делать было не надо, и сами знаете об этом. Я также знаю об этом. А потому у вас проблемы. Не хи-хи, а проблемы – и не надо думать, что Галактика большая, а вы маленькие. Галактика – она женского рода, и сердце женщины побольше Галактики бывает, впрочем, многим из вас это неизвестно, потому что женщины вам не дают, дают разве что шлюхи, которые плевать на вас хотели. А иначе бы вы пену изо рта от зависти не пускали бы и не взялись за гиблое дело. Думаете, круче вас только горы, выше вас только звёзды? А то, что чем больше шкаф, тем резче падает, забыли, стало быть? И что сатана за службу черепками платит вместо золота, тоже запомнили? Ладно, лирику о том, какие вы на деле неудачники да завистники пропустим, а суть дела в том, что с этой минуты у вас времени больше нет – ну, разве что если вы резко захотите всё исправить, ага. А у меня времени хватает, чтоб каждого достать после и разделить маникюрными щипцами кошкам на корм, да и с того света доставать таких, как вы, я тоже умею – уж лучше вам идти кошкам на корм, сразу уточняю. Потом не жалуйтесь, я предупредила, – Катерозе сделала поистине очаровательный приветственный жест ладонью с такой упоительной грацией, что стало понятно, отчего все её слова по-прежнему звучат в тишине. – Сюзерен, улыбнись, скоро увидимся, – она улыбнулась так, что от этой улыбки померкло бы не только закатное солнце, но и полуденное, и изображение пропало.

На несколько долгих секунд повисла гробовая тишина. Райнхард поймал себя на том, что сам лучезарно улыбается. Он с неведомым только что вовсе наслаждением потянулся, отчего его оковы слабо звякнули, и произнёс с такой теплотой, что сам удивился своему голосу:

– Спасибо, Катерозе. Будь по-твоему, – и затих с закрытыми глазами, больше не шевелясь.

Со страшным грохотом – видимо, от души шарахнув бутылку об стену – вскочил недавний командир, повелевший пировать:

– Да что же это такое, а?! Тысяча чертей, хотел бы я в таком случае, чтоб у меня была такая красotka, чтоб позвал – и появилась!

Райнхард узнал голос приносившего вино, и спокойно ответил:

– Тебе такую найти никто не мешал, а я и не искал даже, это всего лишь сестрёнка самозваная.

– Какого чёрта?! – взвыл некто очень злобный. – Какого чёрта мы тут слюни пускаем, из-за какой-то самодовольной соплячки, что ли? В жизни такой наглости не видел, право!

– Эта соплячка в Изерлонском коридоре за один вылет полсотни истребителей сбивала не напрягаясь, помнится, когда ребёночком была, – ядовито ответил ему ещё кто-то. – А с топором она взвод таких, как ты, укладывает в гроб спокойно. Чёрт возьми, уж никак не предполагал, что она сунется в это дело, однако.

– Чёрт бы побрал все эти дамские капризы! – взревел нарушивший молчание первым. – Она что, намекает, чтоб мы ей отдали Золотоволосого, так что ли? Может быть, ещё и даром хочет? Не видал ещё таких амбиций покуда, не видал!

– Капитан Бергер, – прозвучал вдруг знакомый жеманный голосок. – Вас послушать, так Вы всерьёз намерены решать вопрос таким образом? Не слишком ли большое значение Вы придаёте весёлой шалости вздорной девчонки?

– Да заткнись ты, пока сам вместо девчонки у меня тут не стал – что-то мне подсказывает, что ты очень не против будешь, – рякнули ему в ответ. – Вот я ещё тебе не отчитывался, что намерен решать и как, ага. Короче, парни, я недоволен – и пока за эту голову не заплачено полностью, запрещаю её трогать неаккуратно. Приобрести такого врага, как рыжая бестия, мне вообще не улыбается ни разу.

– Бергер, вы хам! – свистящим фальцетом завизжал жеманник. – Вы ещё и трус, если испугались угроз взбалмошной бабёнки! Я требую, хоть вы и простолюдин...

– Ребята, уберите ЭТО, пожалуйста, – негромко попросил кого-то Бергер.

Послышалась какая-то возня, сопровождаемая взвизгиваниями, и скоро затихла.

– Да ладно вам лютовать, – церемонно произнёс незнакомый холодный голос. – Если так опасаетесь, что вас кинут с оплатой, можете получить её уже через полчаса, а не утром. Желаете? Вот и славно. А пока есть смысл продолжить веселиться, к столу, джентльмены.

Райнхард почувствовал себя совсем дурно – по всей видимости, последствия травм решили дать о себе знать. Он закусил губу, чтобы душный вал тошноты не накрыл его полностью – не то он всё же заработал сегодня сотрясение мозга, не то из-за ран на спине начала подниматься температура. Мышцы на руках и ногах вздумали дрожать от сильного озноба, он старался их унять, и это вызывало новые боли. Кроме того, свет отчего-то стал казаться глазам слишком ярким даже сквозь прикрытые веки, и появилось опасение, что из глаз вот-вот потекут слёзы. Пришлось отвернуться лицом к полу, но бороться с недомоганием почти не получалось. В ушах нехорошо зазвенело, и надвинулась нехорошая чернота. Сплошная.

– Вольф, что происходит, ты отдавал распоряжение эвакуироваться? – слегка встревоженный нежный голос фрау Миттельмайер звучал очень вежливо и негромко в полутьме салона спецавто. – Это из-за звонка той женщины, что назвалась мамой Феликса, да?

– Да, отдавал, придётся потерпеть неудобства, – спокойно и с нежностью говорил в ответ адмирал, однако всем слишком хорошо было понятно, чего стоит это спокойствие. – А как давно был этот звонок и что ты ответила?

– Да минут десять или меньше даже. Я дала ей тот номер, который ты обычно разрешаешь в подобных случаях.

– Эва, ты умница! – не сдержался Миттенльайер. – Скоро не ждите и лучше после отъезда ложитесь спать.

– Будет сделано, – промурлыкала его супруга и отключила связь.

Катерозе вскочила с места, снова уселась, истово сжимая и разжимая кулаки, мужчины вовсе не шевелились.

– Но отчего же она ещё не отзвонилась-то по номеру? – ожесточённо думала вслух леди фон Кройцер. – Значит, занята, что ли, раз доверилась сообщению жены? Аж думать не хочется, чем она занята, а надо, э-эх. Ну же, змея, выползай уже, второй возможности ухватить сразу двух у тебя не будет, а ты ведь жадная, – она вдруг снова схватилась ладонями за виски и тихонько всхлипнула. – Сколько ж можно, вот изуверы-то... Эй, Эльфрида, – прошипела она уже с каким-то мрачным азартом, – иди сюда, тебе же интереснее резвиться с ними двумя, верно, что за дурь время терять только на одного, им там и без тебя есть кому заняться... Иди, иди сюда за вторым, деточка, твой дедуля хочет видеть твои ручки с двумя головами, ай-яй, не упusti, не то уроните, опять уроните... Оставь его, оставь, иди за вторым, иди...

Катерозе была слишком занята своими всееляющими ужас в наблюдателей заклинаниями, чтоб заметить, что делается на лицах окружающих, застывших неподвижно в суеверном ужасе. Только Оберштайн картинным жестом тихо хлопнул себя по лбу ладонью, будто не то забыл, не то только что-то понял или нашёл решение головоломки, и ядовито не то улыбнулся, не то усмехнулся. Сигнал вызова под плащом Катерозе подействовал на всех, как удар хлыста, да и она не сразу пришла в себя и включила связь. «Когда в котле времён и перемен нас плавят как куски слепого воска, когда кому-то трудно стать с колен, я защищаюсь знаком перекрёстка» – протарахтела автоматика на весь салон.

– Йозеф, я в запарке. Что у вас? – деловито спросила она, прикрыв глаза.

– База расконсервирована, моя комната тоже готова, – от тёплого тихого голоса веяло несокрушимой надеждой на лучшее. – Когда орлам вставать на крыло?

– Йозеф, там Эльфрида Кольрауш, и она мне не звонит, до сих пор, понимаешь?! – с дико натянутыми нервами в голосе сообщила Катерозе, не открывая глаз. – Мы не можем из-за этого подобраться к букету, а они его уже рвут!

– Не порвут, не бойся, – со странной сильной уверенностью усмехнулся неведомый воин. – Кто столько лет держал корону сам, того теперь и она подержит, обожгутся, если схватятся. Так значит, семейка Лихтенладе всё никак не утихнет, всё к короне лезет? Ладно, тем хуже для них. Ураганный Волк там с тобой?

– Да, она уже знает его номер. Но не звонит.

– Ну ждите, скоро позвонит – она ж не успокоится, пока не грохнет всю обойму, а сейчас ей только двое из оставшихся в четвёрке и нужны, – невозмутимо проговорил собеседник тем же добрым баритоном. – Пиковая дама всегда бьётся козырной, не забывай, Ройенталь вот забыл и не положил её в рукав, дурак. Я тебе ещё вот что хотел сказать – тут на тот же курс люцифериты легли, видать, решили ухватить добычу у радужных упырей, так что я сам уже отдал приказ стать на крыло твоим именем. Убери имперцев с территории, застрелят ни за грош ведь, ещё я солдатами Лоэнграмма не бросался в такую свалку, ага.

– Постараюсь, – уже спокойнее ответила Катерозе. – Изольда готова?

– Обижаете, миледи, – бесшабашно рассмеялись в ответ совсем по-мальчишески. – А на кой тогда на подножку заскакивать в этом поезде, Катерозе? Розенриттеры смолчали?

– Спасибо, Йозеф, – она даже слабо улыбнулась и сразу нахмурилась. – Да, смолчали, козлы...

– Жаль, это был их последний шанс остаться людьми. А козлам место в скотомогильнике, – мрачно произнёс молодой мужчина. – Слово и дело, да поможет нам Господь!

– Слово и дело, Йозеф... – устало выдохнула Катерозе, застыв с приподнятой вверх головой и закрытыми глазами.

Повисла тишина. Мужчины переглядывались с выражением крайнего изумления на лице. Миттенмайер, которого некоторые темы из услышанных начали уже сильно интриговать, предпочёл глянуть на лицо Оберштайна и обомлел. Тот сидел, сложив руки в замок, и беззвучно смеялся, явно довольный происходящим! Потом заметил взгляд Миттельмайера и спокойно сказал, будто отвечал на его мысли или сам хотел что-то уточнить:

– Превращение из валета в короля ещё ни для кого не проходило спокойно. Особенно, когда в колоду брошены новые валеты и прочая массовка, – и снова стал невозмутимым до мрачности.

Лихорадка. Лихорадка, чёрт бы её побрал, как она не вовремя... Когда она вовремя была, скажешь тоже, император. А вот ведь подлость, почему сознание не теряется надолго, если я уже так вымотан? Эх, если б только... Ну, хотя бы знать, что всё это не напрасно? Или я слишком многого хочу уже, обрадовавшись, что Катерозе меня услышала? Услышала, уверен – не то зачем бы те самые лилии сорвала. Кабы только не зря всё это – отдадут деньги этим отморозкам, а что дальше – даже думать не хочется. До чего обидно пропадать в километре от своих, да ещё так медленно. Так, а что это меня передышки угнетать стали, не я ли сам умолял их наступить недавно? До чего я беспокойная личность, оказывается, вечно недоволен. Катерозе, видать, там с ума сходит, голову ломает, как меня вытащить, а я тут капризничаю, о скорой смерти мечтаю, вот урод. Или я просто боюсь, что не выдержу, может в этом дело? Да, наверное, слишком боюсь потерять лицо. Ах, если бы только на всё это хватило сил, вот в чём я и не уверен. Чёртова лихорадка, чёртова лихорадка, что мне с ней делать, усиливается же... Дрожу, как проклятый.

– Тебе что, плохее сильно? – Райнхард услышал над собой голос Бергера и не знал, как реагировать.

Того это молчание явно не смутило – должно быть, он расценил его как согласие, и осторожно, но настойчиво, приподнял пленника за плечи в положение полулёжа. Пришлось открыть глаза, но ведь смотреть на пришельца это не обязывает... А тот деловито потрогал его лоб тыльной стороной ладони и присвистнул:

– Ни черта себе, с таким жаром и такой бледный, и ещё молчит. Ты что, кончиться решил по-тихому, что ли?

– И чем это плохо? Боишься, что моя цена упадёт, если умру? – тихо процедил сквозь зубы Райнхард.

– Огрызаешься – значит, я прав, – с назидательной рассудительностью ответил Бергер. – Можешь ещё раз огрызнуться, например, послать меня, но разумнее будет всё же выпить вот это, давай-ка, залпом... – и поднёс к губам раненого стакан.

Запах крепкого пряного глинтвейна снёс всякие возможные попытки сопротивляться, и Райнхард подчинился. Внутри взорвалась ласковая молния, боль в голове и теле ослабла, и даже дышать стало легче. Он молча наслаждался этим чудом, прикрыв веки совершенно безотчётно, и позабыл про всё на краткий миг.

– Так-то лучше, теперь закуси, – вполне довольным тоном помешал ему Бергер.

Райнхард не стал возражать – да и кусок хорошего шоколада был тоже кстати. Розенриттер вежливо уложил его снова на свою куртку и тихо спросил:

– Ещё стакан будешь?

– Можно, – едва слышно разрешил Райнхард, не шевелясь.

– Лады, – негромко ответил собеседник и пошуршал прочь.

После второго стакана и вовсе можно было признаться, что ощутимо полегчало, даже дрожь в мышцах утихла. Но Райнхард решил выхватить инициативу, слишком странным показалось ему поведение солдата удачи – в искреннюю симпатию верят разве дети...

– Чего ты хочешь? – холодно спросил он, соизволив наконец упереть взгляд в лицо Бергера.

– Поболтать, мы же незнакомы были, – самоуверенно пожал плечами тот.

– О чём? – ещё жёстче сказал Райнхард, будто допрашивал собеседника.

Тот вовсе не смутился, а как будто даже обрадовался. Он с искренним добродушием, будто говорил с приятелем, более непринуждённо уселся рядом на полу и задушевно спросил:

– Слушай, ты же красиво отмазался для всех, я тебя не выдам, но скажи, эта рыжая, она же в постели, небось, кошка? – последнее слово он протянул и вовсе со сладострастным придыханием.

Райнхард с трудом сдержал сдавленный стон. Возможно, что и зря сдержал – тогда было бы хотя бы понятно, насколько противна ему эта тема, как будто на него дохнуло каким-то душным смрадом и зловонием. Уж лучше второй раз быть скинутым с лестницы, чем быть вынужденным говорить на такие темы с таким типом.

– Об этом надо наводить справки у её мужа, – ледяным тоном проговорил он, с трудом сдерживаясь, чтоб не сказать всё, что он мог бы сказать в таком случае. – Я это знать никак не могу, как ни печально это для тебя. Это всё?

Бергер задумчиво покачал головой, помолчал, потом сделал одобрительный жест пальцами:

– Молодец. Круто. Завидую. Ладно, пошёл я покуда, – и исчез из поля зрения полностью бесшумно.

Довольно скоро гомон пирушки резко усилился. К счастью, теперь оно не стучало по голове, как раньше, и при желании можно было и прислушаться. Однако сначала появилось очень мерзкое ощущение, будто происходит что-то по-настоящему поганое, вроде неких скользких и холодных щупалец, которые настойчиво лезли к сердцу... Райнхард различил возгласы разных голосов: «деньги привезли!». Захолонуло где-то под сердцем – что-то будет прямо сейчас. Эх, а я даже не успел отдохнуть...

Происходило же следующее. По лестнице вальяжно спускался – хотя точнее стоило бы сказать, что кривлялся, спускаясь – не очень молодой человек подчёркнуто не очень мужской внешности, криливо и разухабисто одетый, со множеством блестящих украшений не только на одежде, но также на пальцах, шее, в ушах и носу. На голове у него красовалась некая пародия на высокую шляпу, густо и ярко разукрашенная полосами разных цветов в последовательности семи цветов радуги. В руке он без усталости вертел туда-сюда большой полотняный мешок, доверху чем-то набитый, и также разукрашенный в семь цветов спектра главной линии ртути. Гражданские сдержанно улыбались, наблюдая эту нелепую клоунату, розентриттеры же кто застыли с потемневшими лицами, кто уже молча трясся на месте с искажённым от гнева лицом. Спустившись, пришелец сделал нарочито карикатурный поклон и громко прокричал фальцетом:

– Дорогие друзья! Наше вам с кисточкой и с радугой, ура! Ваше гонорарище тут, берите, не жалко.

Из группы гражданских выскочил манерный сноб, конфликтовавший с Бергером совсем недавно, быстро подбежал к гостю и, получив от него мешок, спросил:

– Ну, и как погода нынче?

– Да просто пакость, – жеманно пропищал тот в ответ. – Такая противная гроза катится, что аж страшно, ай-яй! – и шепотным жестом погладил себя по щеке.

Райнхард, лежавший спиной к этому действу, понял из всего только одно слово: «гроза», да ещё слышал, как розентриттеры переговаривались между собой, роняя фразы: «радужные упыри», «содомитские деньги», «отдавать Золотоволосого ЭТИМ?». Ему хватило. Такого отчаяния он не испытывал ни разу в жизни. Катерозе не успеет, и уж лучше смерть, немед-

ленно, чем попасть в лапы к новым гостям. Он хоть умрёт, оставшись человеком и мужчиной, неужели ему даже в этом уже отказало небо? Господи, заberi меня отсюда, я этого не вынесу!

Тем временем уже не Бергер, а другой полевой командир, вскочив на стол, проревел так, что эхо гудело долго:

– Вы это что ж, всерьёз полагаете, что мы будем ТАКИЕ деньги в руки брать?! А не засунуть ли их вам в вашу аристократическую задницу все их сразу? Золотоволосый покуда ещё наша добыча, и в ваших интересах нас не злить, а то мы можем найти и другого покупателя, с чистыми деньгами!

Розенриттеры будто невзначай по одному стали оказываться вне группы аристократов, отесняя их в сторону прищельца, и заслоняя своими спинами пространство, которое оставалось свободным, вздумай гость подойти к лежавшему пленнику. Однако тех это движение, судя по их ехидным лицам, это вовсе не смутило, и из их группы выделился высокий брюнет, чья стать сразу выдавала в нём кадрового военного. Он с холодной усмешкой картинно развёл руками и заговорил надменно и громко, сложив после руки на груди:

– Ну вы же сами хотели быстро, вот мы и решили занять на стороне. А иначе будете ждать, как договаривались ранее. Кроме того, вы же на нашей территории, так что пора бы и нам получить свою копеечку, так что всё по-честному.

– По-честному? – проговорил кто-то из розенриттеров, вне себя от гнева. – Вы что собираетесь тут делать с Золотоволосым, а?

– А вам-то что за печаль? – сухо поинтересовался лидер аристократов. – Вас наняли его сюда доставить, только и всего. Наши к нему счёты – это наше дело, и вас не касается.

– Да не касалось бы, кабы вы вели себя по-людски, – прошипел ещё кто-то из розенриттеров. – А то манера ваша вести дела нам уже сильно не нравится. И сами вы нам уже сильно не нравитесь, учтите.

– Братва, я не понял, мы что, подписывались Золотоволосого продать вон тем упырям? – пророкотал на всё собрание Бергер. – Чё-та я не помню такого пункта в соглашении, а вы?

Раздалось несколько голосов: «Да что ты, Хельмут, да ничего подобного, нет, не было такого!»

– Вот и я том же – нас пытаются надуть, всучить оплату, а потом говорить, что это мы его отдали в радужные лапы, – громко и уверенно продолжил Бергер. – Да я лучше сразу грохну Золотоволосого, чем это позволю. Кто со мной согласен?

В ответ раздался очень однозначный, резкий и чёткий рык в один слог. Лидер аристократов с неудовольствием скривился, но с самообладанием у него явно было всё в порядке. И тут раздался голосок гостя, смутившего спокойствие:

– Вы немного ошиблись, достойные воины, нам вовсе не нужен весь товар, мы просто предоставляем денежки, а покупатель у вас по-прежнему старый. Но коль скоро мы здесь, то просим всего лишь свою скромную малость. И не у вас.

– Чего это он несёт? – угрюмо поинтересовались в ответ у аристократа. – Трогать свою добычу мы не позволим, тем более ему. Нам и завалить тут всех недолго и нетрудно.

Тот, похоже, чуть развеселился, услышав такое.

– Ну да, вы ещё тут мне скажете, что дружно присягнёте на верность Золотоволосому и на руках понесёте его отсюда. Не шумите, я соблюдаю и ваши интересы и свои. И докажу вам, что ваше предположение – ошибка, но не забывайте, что вы меня сами к этому толкаете – доказывать. Расступитесь.

Раздался ещё чей-то голос, который и потушил в итоге разгоравшийся конфликт:

– Ладно, парни, пусть он докажет, а мы вольны поступить по схеме «две диких розы», если что.

Раздались весёлые смешки, и толпа розенриттеров расступилась перед аристократом. Он не торопясь, но и не особо не медля, двинулся к пленнику, заметно грохоча каблуками

туфель. Этот стук тяжело пришёлся по порядком истрёпанным нервам Райнхарда – он признался себе в глубине души, что чувствует самый настоящий страх, а вовсе не досаду, да и ощущение с тянущимися щупальцами вернулось. Но пока получалось сохранять равнодушный вид, что уже неплохо. Шаги затихли почти над ухом. И тут произошло такое, что ни в каких ночных кошмарах не снилось и даже в голову ещё не приходило. Райнхард с ужасом ощутил, что его поднимают с пола за волосы, и почти сразу на горле с отвратительным лязгом защёлкнулся шипастый изнутри металлический ошейник, а затем резкая боль от захвата прекратилась, но из-за того, что где-то на уровне шеи волосы оказались просто срезаны, сразу. В глазах потемнело от слишком сильного страдания – но совсем не так, как перед потерей сознания, а из горла вырвалось тоскливое рыдание, которое хоть и удалось замаскировать под кашель, но ценой уже боли от шипов.

– Только и всего, – надменно прозвучало сверху, – в таком виде мы его оставим вам до прибытия денег утром. Можете даже запереть его вон там в чулане, чтоб не простудился окончательно. Вы довольны, brave boys? – каблуки застучали, удаляясь.

– Вполне, – прозвучал тот же голос, что разрешил демонстрацию доказательств. – Но если точно, мы скорее не возражаем. И требуем убрать эту радужную пакость отсюда.

– Она сейчас сама отсюда уберётся, – ехидно ухмыльнулся демонстратор, и, вытащив из кармана шёлковый мешок, упаковал в него пышную копну золотых волос. – И насовсем, – он швырнул эту ношу в руки так раздражавшему собрание гостю, тот подобострастно поклонился с премерзкой улыбочкой и засеменил вверх по лестнице. Вслед за ним двинулся слащавый сноб с мешком, в котором как будто были деньги, которых, впрочем, не видел никто из собравшихся. Поднявшись наверху в тишине – аристократы высокомерно усмехались, но молча, розенриттеры швыряли по сторонам хмурые взгляды – радужный пришелец обернулся, остановившись, и сделал какой-то издевательский жест ладонью, указывая куда-то вверх и в сторону одновременно:

– Да здравствует мировая революция, ура! Наше вам с кисточкой! За демократию! – проверещал он, будто пародируя неких ораторов.

Каждый из солдат удачи, как один, молча побелел от гнева после такого оскорбления. Однако тут же случилось нечто, что очень обескуражило развесёлого пародиста и заставило его не только испуганно заозираться по сторонам, но и вприпрыжку ретироваться прочь вместе со своим спутником, напугавшимся ничуть не меньше. Райнхард, пытаясь уцелеть после невиданного ещё унижения, непроизвольно отжался от пола на скованных руках, и крикнул столь громко и таким густым голосом, что эхо подхватило этот крик и сделало его на редкость зловещим:

– Революция – это смерть, и в первую очередь – твоя! – и засмеялся нехорошим смехом, снова рухнув на пол.

Эта вспышка далась ему тяжело, да и смех в итоге превратился чуть ли не в рыдания, но он хотя бы понимал, что ещё может наносить удары врагам. Во всём теле было ужасное ощущение – будто его насквозь проткнули копьём шириной в руку, да ещё наискось – но силы неподвижно лежать уже нашлись. Он даже смог соорудить надменную мину, пользуясь снова манерой закрывать глаза.

– Чистая работа! – с восхищением проговорил первым пришедший в себя Бергер. – Эй ты, надутый индюк, дай-ка сюда ключики от чулана, а то заважничал ты, смотрю, уже, а деньги отчего-то не у тебя, хе-хе...

Судя по всему, ответа не последовало – а ключи просто полетели в сторону требовавшего, жалобно звякнув у того в ладони. На полсекунды – но вполне заметно для всех – мигнуло освещение. «Чёрт, гроза же, откуда она, закат ясным был», – негромко проговорил кто-то, причём не очень ясно, из какой группы людей. Райнхард услышал это – ему показалось, что на него дохнуло свежим, нежным ветерком. Возможно, в последний раз уже в этой жизни. Внутри что-

то твёрдое мгновенно растаяло и исчезло. Хотя было по-прежнему муторно и тяжело, появилось желание подняться. Как ни странно, он смог почти сесть на полу, упираясь скованными руками, и поднять голову вверх. По лбу и вискам как будто ласково прошлась чья-то грубоватая ладонь, и Райнхард открыл глаза, уставившись вверх. Он не увидел ничего, кроме яркого луча белого света, но этот свет не резал глаза. И сам не понял, что и как сказал прежде, чем утонул в белом потоке, потеряв сознание.

– Кайзер Рудольф, папа, забери меня отсюда! – услышали присутствующие полувздых-полустон, перемешанный со слезами. – Я не против умереть за империю, но так не хочу, – и обмякшее тело очень медленно, как всем показалось, и уже совершенно беспомощно рухнуло на пол спиной. Голова пару раз вздрогнула от инерции падения, и взорам присутствующих стало хорошо видно, что вокруг глаз пленника разрослась нехорошая чернота, особенно хорошо было видно, как на взмокшем лбу прилипли рассыпавшиеся пряди от чёлки, и что порядком покусанные губы уже белее мела.

– Чёрт бы побрал все долбанные заморочки аристократов! – взревел диким зверем Бергер и кинулся к безжизненному телу. – Если он сейчас умрёт на месте, всех сам положу, лично! – презлобно добавил он, на ходу шаря в карманах своей куртки.

Но даже ему пришлось возиться не одну минуту, пытаясь применить все экстренные иголки на такой случай, а результат его усилий не спешил проявляться. Более того, раздался столь сильный и страшный удар грома, что мощнейшая вибрация не только проникла на этаж, но заставила затрястись всё, что можно. Это сильно напугало группу аристократов. Какой-то пожилой экземпляр, дабы отвлечься от тремора конечностей, рассудительно заметил:

– А что, если он и впрямь считает основателя рейха своим отцом, с родным-то ему не очень повезло...

– Очень на то похоже, – растерянно пробормотал кто-то ещё, вовсе не заметный. – Да и не больно-то и странно.

– Ладно, не рассусоливайте на пустом месте, – сурово оборвал их лидер. – Получим когда в своё распоряжение к утру, тогда и найдём способ разобраться в этом вопросе.

– А если он и правда умрёт? – растерянно поинтересовался всё же кто-то ещё. – Он скверно выглядит, совсем как мой брат, перед тем как...

– Заплатим за мёртвого, да и всё, – был невозмутимый ответ. – С телом можно тоже неплохо пофантазировать...

Тем временем к Бергеру подобрался ещё один его коллега, протягивая ещё одну упаковку из боекомплекта:

– Хельмут, попробуй сразу все кардиостимуляторы загнать – у него, кажется, мотор после электрохлыста сильно сдал, вот и вся проблема.

– Знаете что, ребята, – проворчал тот, резво занимаясь делом, – похоже, что эти благородные ублюдки хотят нас обдурить – сами, стало быть, довели нас до края, а виноваты будем мы, потому что он пока наш. Отойдите, пока он не очухался, а потом есть идея их за это наказать.

Через пять минут, что показались воякам гораздо длиннее, чем они есть на самом деле, краска потихоньку начала возвращаться на лицо пленника, а ещё через почти столько же – он резко открыл глаза, и по недовольному огню внутри них стало понятно, что он в сознании. Бергер сделал роскошный торжествующий жест на публику и совершенно с искренней радостью улыбнулся во всё своё нахмуренное лицо:

– Зиг кайзер, что ли, а? – и расхохотался, услышав со стороны мощный рёв с соответствующим текстом. – Ты зачем нас так пугаешь, мстишь, да? А ну, скажи что-нибудь, что хочешь, можно!

Райнхард видел лицо Бергера как сквозь беловатую тонкую дымку, но не мог отделаться от желания не видеть ничего. В висках стучало от разгулявшейся крови, в теле блуждали нудные боли.

– Я разве тебя просил возиться, спасатель чёртов? – фыркнул он с презрением. – Чего радуешься?

– Во, мужской разговор! – откомментировал кто-то из розенриттеров. – Парни, наш кайзер в порядке, гуляем, наливай!

– Нет, это невыносимо!!! – взревел вдруг лидер аристократов, что есть мочи грохнув кулаком по столу и вставая. – С каких пор это он у вас кайзер, потрудитесь объяснить, пожалуйста!

В ответ к нему подошёл уже немолодой чересчур brutального вида розенриттер, на чьём лице под шрамами и старательно выбритой лысиной интеллект как-то не читался, и, подняв к потолку палец, со всей серьёзностью, коей у него было хоть отбавляй, проговорил, старательно разясняя вопрос:

– У него папа кайзер, ты же слышал, да? Ну, значит, и сам он тоже кайзер, что непонятного-то?! Так вот. Всё.

В ответ спросивший только и смог, что с тяжёлым стоном грохнуться опять на своё место. Но против его ожиданий разговор не был окончен. Собеседник приблизился вплотную и навис над ним через стол, явно намереваясь продолжить, и это вовсе не выглядело симпатично. Тем временем смысл сказанного дошёл до затуманенного болями и страданием Райнхарда, и он воспользовался более крепкими словами, которые в целом передавали примерно такое содержание:

– Да пошли вы все! – и, закашлявшись, отвернулся, прикрыв глаза.

Вместо того, чтоб рассердиться, что, по его мнению, было вполне логично, розенриттеры бурно развеселились и дружно приблизились толпой, насколько это вообще было возможно.

– Во-во, заговорил, ура!

– Да как хорошо разговаривает, а?

– Правильно разговаривает, однако!

– Во, наш кайзер, факт!

– Да наливайте там уже, чего рты раззявили?

Нависший над столом персонаж, налюбовавшись молчаливым неудовольствием собеседника, весомо произнёс:

– Ну что, ваши благородия, проспорили вы бочку-то? А вам было сказано, что солдаты ему больше понравятся – с нами-то он заговорил, а аристократов так и не любит, ага, – и препаскудно ухмыльнулся, высунув язык.

Аристократ так и пошёл радужными пятнами, но овладел собой и надменно проговорил, погромче и приказным тоном:

– Эй, там, отдайте им бочку гольденбаумского, пусть подавятся!

– Да не дождётесь, сударь, а будете фыркать – напоим и вас, только вам оно и сплохеть может, учтите! – не торопясь выпрямился розенриттер и, проследив взглядом, как несколько его коллег уже понеслись за вожаком предметом, рявкнул на всё собрание:

– Музыку давай, э! – и удалился, издевательски покачивая бёдрами по адресу собеседника.

Кто-то, кто оказался ближе других к блоку связи, быстренько нажал на нём, что следовало, и по помещению понеслись дешёвые аккорды вперемешку с разудалым плебейским пением: «Сад из роз, денег воз, звонкая гитара – всё пошло под откос, всё пропало даром!» Тем временем в тесном кружке, обступившем лежавшего пленника, началось какое-то очень интенсивное обсуждение, которое шло в основном жестами, но с довольно эмоциональными выражениями на лицах, преимущественно глумливо-весёлого толка. «Но не жаль ничего, пусть

всё пропадает, сторонись – до утра шантрапа гуляет!» – напевал некий явно нетрезвый ухарь, а обсуждение вопроса уже шло к логическому завершению, и из всего бурного разговора Райнхард услышал только два слова: «рыжая» и «замётано». Впрочем, до другого лагеря и вовсе не дошло никакой, даже столь скромной информации. После чего Бергер громко потребовал расступиться, и, взвалив себе на плечо пленника, потащил его в чулан.

Райнхард, измучившись за последнее время посильнее, чем за всю военную кампанию против Яна Вэньли, уже изрядно заразился безразличием к окружающему, и не особенно интересовался тем, что Бергер довольно заботливо обращается с ним, укладывая на какие-то одеяла, и даже голову аккуратно пристраивает так, чтоб не жал ошейник. Он смутно понимал, что скорее рад возможности удалиться с этого сборища и остаться в одиночестве хоть не надолго, хоть подольше, да и завернуться в тёплый плед после валяний на холодном полу было кстати. Снова накатывалась дурнота, но уже совершенно сонного свойства.

– Тебе вина принести? – вежливо спросил тем временем Бергер. – Или, может, есть хочешь?

– Нет, – с трудом произнёс Райнхард без всяких эмоций. – Я не смогу сейчас, у меня голова с сотрясением явно.

– Точно дело в этом? – продолжил допытываться тот. – Или ты просто недоволен и брезгуешь?

Райнхард вздохнул и подтвердил «да» движением глаз. Ему захотелось, чтоб Бергер тоже исчез. Тот расценил это по-своему и озабоченно затараторил:

– Ты вот что, не грусти сильно, а лучше поспи, если можешь. Как только привезут деньги, так эта ерунда и закончится. Оно ненадолго, – и, увидев в ответ вполне красноречивый взгляд, стукнул себя по лбу. – А, ну да, ты ж не смотрел и не знаешь вообще, эх, – он приблизился совсем уж к самому лицу и сказал очень тихо. – Мы тебя им не выдаём. Мы тебя рыжей отдадим, думаю, тебе это понравится, разве нет?

– Там видно будет, – холодно ответил Райнхард. – Уходи.

– Чёрт меня побери совсем, – с беспашашным восторгом пробормотал Бергер, удаляясь, – Никогда не видел ещё такого конкретного парня!

Даже сквозь хорошо прикрытую дверь донёсся рёв десяток глоток: «Зиг кайзер!!!». Райнхард поймал себя на том, что его душат слёзы обиды, и вдруг сам не заметил, как провалился в сон. Катерозе, увидимся ли мы?

Миледи фон Кройцер всё больше напоминала мраморную статую в драпировке. Миттенмайеру вдруг показалось, что ей становится плохо, и он поспешно схватил её за ладонь. Она молча кивнула, не открывая глаз, и он приблизился к самому её лицу. «Что? Что там?» – шепнул он ей в ухо так тихо, что кроме неё никто не слышал. Над лесом загрохотало снова, и она ответила ему на остатках раскатов, дабы остальным тоже не было слышно: «Он едва не умер, но обошлось. Пока тихо». Затрепал блок связи. «Промелькнуло перед глазами много жизней в короткий миг... Кто тут смелый – рискните сами раздавать не свои долги», – истошно протархтела автоматика, прежде чем Катерозе успела выхватить листок с посланием. Одним махом прочитав текст, она застыла с недоумённым выражением лица и взялась снова думать вслух, что выдавало её напряжение.

– И как на это реагировать? Бергер, гад, твой почерк, но что ты хочешь-то, дитятко? Если просто спарринг, то катись к чёрту, а если выманиваешь меня, то что за польза тебе от этого? Или вы там так в штаны наделали уже, что на всё согласны, но в это я как-то меньше верю... Ладно, до шести ещё куча времени, мне нужно вовсе не это сейчас. Что за польза, если вы мне его полумёртвым вручите, мне он нужен сейчас и целым!!! Ааааа, я поседею сегодня, где звонок?

– Тише, Катрин!!! – прогрохотал Оберштайн и выхватил у неё лист, быстро пробежал глазами. – Уже подшить к делу можно, вообще-то, и не твоих ли глазок это результат работы? А ещё подумай об эффекте, если он видел. Прошло-то меньше получаса, а ты уже извелась.

– У меня нет выдержки, я женщина, – всхлипнула совсем по-детски Катерозе. – И гроза ещё фон портит, так там и не разобрать в схемах на инфранипазоне, как где чего нарыто и как пройти.

– Гроза... – задумчиво проговорил Миттельмайер. – Гроза тут, наверное, как раз вовсе не зря, – он чуть громче окликнул техников. – Куда там угодил самый мощный разряд?

– Как по заказу, прямо перед входом, по лестнице, скажи мне кто другой – в жизни бы не поверил! – ответил кто-то из них, радуясь про себя возможности поизумляться вслух. – Там трещина сейчас такая, что нам видно!

– Значит, нам ещё фартит, – тихо вздохнул Ураганный волк и снова пожал пальцы миледи. – Это кайзер Рудольф, Катерозе, а может, и Ройенталь тоже. Держимся.

– Ах, когда же... – попробовала она ответить и осеклась.

Прошло ещё семь резиновых минут, и ожил блок связи у Миттенмайера. Побледнев, тот выждал по хронометру шесть секунд, и включил обратную связь.

– Слушаю, – ледяным тоном проговорил он.

– Адмирал Миттельмайер? – прозвучало нежное контральто. – Это Вы?

– Нет, знаете ли, трактирщик Гершензон! – раздражённо-издевательским тоном рявкнул Ураганный Волк, успешно демонстрируя крайнюю степень недовольства. – Кому я понадобился среди ночи, что за шуточки, а?!

– Адмирал, это важно, – вкрадчиво произнесла женщина, не очень смутившись.

– Да уж пусть будет важно, не то я вас крепко разочарую! – продолжал якобы кипятиться Миттельмайер. – Кто говорит, чёрт возьми?

– Это... это мать Феликса, адмирал. Нам нужно встретиться, – тем же тоном продолжила дама.

– Вот ещё! Этого мне не хватало только, Вы что, не можете днём звонить, совсем сдурели, да? Или вы там с Оскаром день с ночью различать разучились, и теперь привычка у Вас о других не думать? К чёрту!

– Адмирал, это срочно, – и тут Катерозе уловила в этом голосе нотку раздражения и молча расцвела.

– Это Вам срочно, а я сегодня занят. Всё у Вас, надеюсь? – устало выпалил Миттельмайер, не выходя из образа.

– Адмирал Миттельмайер, чёрт Вас побери, Ваш друг в беде, а Вы что, не знаете об этом?! – закипятилась уже Эльфрида, а Оберштайн и миледи обменялись дьявольскими улыбками и одновременно подняли вверх сжатый кулак. На лице Катерозе сияло одно слово: «Попалась!»

– Не Ваше дело, что я знаю, а что не знаю! – прогрохотал адмирал, будто разозлившись. – Что Вы мне голову морочите? О ком речь? И о чём?

– Ваш золотоволосый друг, что обычно ходит в белом плаще, сейчас в опасности. И в Ваших интересах было бы ему помочь, – продолжала упрямо втолковывать собеседница уже чуть дрожащим голосом.

– Это меняет дело, – мрачно хмыкнул Миттельмайер. – Когда и где встречаемся? Надеюсь, это уютное кафе?

– Грубиян, – еле слышно донеслось издали, затем женщина заговорила вновь сухо и спокойно. – Адмирал, это слишком срочно. Перекрёсток дельта на трассе девяносто, сектор Эрледиджен. Быстрее.

– Тысяча чертей и гроза в придачу! – с неудовольствием присвистнул адмирал и зевнул, как ленивый барин. – Ещё и машину брать придётся! Э-эх, милочка, если только Вы меня

разочаруете своей мистификацией, я Вас... застрелю, прямо там, аха-ха! – со сладострастным паскудством в голосе проговорил Миттельмайер. – Ладно, ждите, щас допью и поеду, – и отключил связь.

В салоне авто раздался общий тяжёлый выдох. Оберштайн подошёл и подал руку Миттельмайеру, тот, лихо улыбаясь, пожал её без всякого неудобства. Катерозе вскочила как пружина, в одной её руке мигом очутилась бутылка с игристым, другой она проворно вытащила три стеклянных бокала:

– На воздух! Идём за Императором, парни!

– Ну и повадочки, все такие знакомые, – ошалело пробормотал Миттенмайер, подчиняясь с явным удовольствием.

Он не ошибся. Даже жест, которым фон Кройцер разгрохала бокал после того, как вино было выпито, не оставлял сомнений, с кого он был скопирован. Ветер, сопровождавший грозу, трепал волосы людей совсем не злобно, скорее даже вежливо. Над спрятанной в роще леса машиной поблескивали отсветы молний, но они не освещали даже алый плащ адмирала, полностью поглощаясь тёмной в ночи одеждой. Даже белые лилии в причёске дамы не отсвечивали.

– Ещё пяток минут ждём, чтоб не учуяла змея, и едем, – прошептала та, глубоко дыша. – Пауль, наша тарактелка блендированная или обычная? Я правда, боюсь, что назад полетим на Изольде...

– Достойная, – тихо улыбнулся Оберштайн и тронул её за плечо. – Катрин, доставь его и вернись сама, поняла?

– Я знаю, что тебе придётся остаться, это ещё сложнее, – вздохнула она. – Но не бойся, я не из тех дур, что закрывают собой свой объект, а потом рады умереть у него на руках. Мы вернёмся, все. Так надо.

– Идём, я усажу вас, – Оберштайн аккуратно взял под локти воинов и повёл их по тропе из чащи. – Вернитесь все трое, а потом сожжём к чертям этот домишко вместе со всеми козлами внутри – это можно сделать прямо отсюда уже, наш электрик тоже щедрый человек.

– Хорошая мысль, – задумчиво отозвалась Катерозе. – Мне нравится даже.

В ночном полумраке элегантный, но свирепый силуэт лимузина норовил слиться с тенями деревьев или же с серостью дорожного покрытия.

– Ураганный Волк, продолжай валяться на диване, ты хорошо в образе смотришься, – деловито протараторила Катерозе, забираясь за водительское место и с воодушевлением дикой кошки, учуявшей добычу, оглядывая приборные доски.

Тот беспомощно глянул на Оберштайна:

– Она всегда такая повелительница?

– Ей идёт, – с непривычной теплотой ответил тот. – Береги её, без неё мы бы все уже пропали.

– Я понял, – выдохнул Миттенльмайер. – Её нам сам Господь послал. Как однажды – тебя... – и захлопнул дверь, чтобы не стесняться того, что сказал такое, чего никогда не посмел бы сказать в другое время.

– Ну, – снова взялась верховодить Катерозе, картинно положив руки в белых перчатках на руль, – Живый в помощи вышнего, в крове Бога Небесного да водворится... Райнхард, дожись! – и авто плавно рвануло с места.

Катерозе, где ты, мне плохо, слышишь, Катерозе? Я сдаю, сильно сдаю, мне больно, больно, больно. Этот туман, он злой, он жмёт, мне душно, Катерозе. Сделай что-нибудь, помоги. Да, волосы, волосы... погладь. Обними меня покрепче, Катерозе, мне плохо от лихорадки. Не так крепко. Отчего я не вижу твоё лицо, Катерозе?

Так, чёрт подери, это ещё что такое? Эти духи мне вовсе не нравятся, и что за лапа на талии, женская, ясное дело. Стоп-стоп, не открываем глаза и стонем, будто не проснулся, а то поймёт. Сдурей я сильнее, подумал бы, что щупальца ожили, но нет, баба, и шибко сладоострастно прижимается, противно прямо. Как бы её ухватить покрепче, чтоб не вырвалась, а то руки неудобно лежат, могла бы, дура, и за голову мне их закинуть, сонный же был. Ноги у меня как, отдохнули? Не понятно, увы. Ладно, ждём чуток, и вперёд, а пока стонем пожалобней. Чёрт, ни за что, этого я не потерплю никогда, да и губы вовсе невкусные, всё, это было её ошибкой окончательно!

Райнхард резко ударил гостью руками в живот, припечатав её спиной на ногу, согнутую в колене, и ещё успел цепко укусь за губы. Рассмотреть, кто такая, ему удалось уже после, но хотя она и быстро среагировала, ещё раз получить от скованных рук она успела. Женщина откатилась прочь, резко вскочила на ноги, но Райнхард уже был готов, полулёжа на локте и приготовившись в случае нападения бить ногами.

– Что, ножик забыла, или я понежнее Ройенталя буду? – язвительно ухмыльнулся пленник. – Не думай, что я тебе его спущу, да и в цене после его смерти ты сильно упала. Не для меня.

Эльфрида не столь быстро всё же пришла в себя, видать, и вправду хотела, безжалостно оценил Райнхард.

– Ты, ты... вы оба... вы вообще не должны были взяться в Галактике! – она ещё тяжело дышала.

– Какая жалость, а ведь появились, – ядовито протянул он. – А главная наша вина – что не падаем к твоим ногам, умоляя снизойти, так ведь? А по другому ты общаться не умеешь и не хочешь, так может, дело в тебе тогда? Пошла вон, дура, я не настолько боюсь смерти, чтоб разминиваться на шлюх, и в твоих услугах не нуждаюсь.

Она отряхнула растерянность и постаралась приобрести надменный вид, хотя было заметно, что слова её сильно задели.

– Ты нелогичен. Коль скоро тебя не интересуют сладкие удовольствия, мог бы и учесть, что от меня здесь тоже кое-что зависит.

– Это ты всё меряешь по себе, потому такая неудачница. У тебя нет ничего, что может меня интересовать, так что убирайся по-тихому, пока тебя тут эта солдатня не застучала и на смех не подняла. Или ещё кое на что, – добавил он, отвратительно усмехаясь и хитро подмигнув. – Или тебя это, возможно, вполне устроит? Они парни простые, не то, что я, капризник, уж потешат тебя на славу!

Эльфрида сделала глубокий вдох, медленно приглаживая волосы.

– Идиот, они что, тебе все мозги отбили? Я пришла тебе сделку предложить, чего ядом исходишь?

Райнхард молча одарил её взглядом покупателя на невольничьем рынке, а затем начал весело смеяться. Сначала тихо, потом всё громче. Заразительно и радостно. Эльфрида в ужасе прикрыла лицо ладонью:

– Перестань, перестань сейчас же, выслушай, это в твоих интересах!

Он прекратил смех не сразу, потом лучезарно улыбнулся и хитро прищурился, ожидая, что услышит ещё.

– Я могу передать тебя Миттельмайеру. Ты помилуешь меня, если я это сделаю?

Райнхард мгновенно надел на лицо ледяную маску и стал полностью непроницаем – ему показалось, что от упоминания имени его друга вокруг того сгустилась опасность. Чтобы замаскировать, сколь быстро это произошло, он неторопливо вздохнул и ответил уже ледяным тоном:

– Лучше всё же Оберштайну, я ему на той неделе в карты проигрался.

Эльфрида восприняла это, как новое издевательство с его стороны, и вспыхнула:

– Ты же не играешь в карты!

Но Райнхард холодной усмешкой дал ей понять, что оно как раз впереди, и презрительно бросил:

– А тебе слабо показаться на глаза Оберштайну. Всё.

– Ну ты и негодяй, – прошипела она, не в силах справиться с этим ударом. – Я серьёзно говорила.

– Да, негодяй, и ещё какой, – зевнув, ответил он. – Что за беда, ты же любишь очень как раз негодяев?

– Так ты не согласен? – с грустью спросила она.

– Я этого не говорил, – бесцветно отозвался Райнхард.

– Так что же? – она сильно поблекла, хоть и пыталась это скрыть.

– Как карта ляжет, с чего бы я стал тебе доверять, а? – снова зевнул он.

– А если я действительно сделаю это?

– Посмотрим, – совершенно безразличным тоном ответил император и прикрыл веки.

Эльфрида с ненавистью скривила губы и быстро выпорхнула прочь, как и не было её здесь. Райнхард взялся укладываться поудобнее. Прежде, чем совсем затихнуть, он тихо обр-нил вслух:

– Ройенталь, я сделал, что смог. И не жалею об этом.

На перекрёстке гроза бушевала уже яростно. Женская фигура в тёмном плаще с капюшоном заметно вздрагивала от каждого шквала – а их был целый каскад за те треть минуты, что лимузин неторопливо подкатывался к ней. Да и дождище тут хлестал солидный. «Ройенталь разлютовался, – улыбнулся про себя Миттельмайер. – Его можно понять, я сам еле держусь от гнева, честно говоря». Он вальяжным жестом приоткрыл дверцу и барским тоном проворчал:

– Полезайте сюда, несчастная! И побыстрее. Что за погодка, а? Сдуреть вообще...

Женщина выполнила указание столь поспешно, сколько позволяло ей её длинное платье. Миттельмайер резким движением включил над ней подсветку и рухнул спиной вглубь салона, оставшись в полутьме. Щёлкнули замки всех дверей. Но гостья спокойно и аккуратно сняла с головы капюшон и даже сдержанно улыбнулась. Она нисколько не изменилась за все пять с лишним лет, будто законсервированная, да и крупная тёмного бордо роза в волосах усиливала это впечатление.

– Как видите, это я, адмирал, – вежливо произнесла Эльфрида. – Благодарю Вас, Вы почти не заставили ждать.

– Да ладно, давайте о деле сразу, – недовольным тоном фыркнул Миттельмайер. – Что там за сообщение у Вас?

– Вот оно, – чуть ли не похоронным голосом проговорила гостья, вынимая ридикюль. – Взгляните сами, – она плавным движением открыла застёжку, запустила пальцы внутрь и чётким движением извлекла оттуда прядь золотых волос. – Теперь Вы понимаете, почему я обратилась к Вам?

Миттельмайеру вовсе не понадобилось притворяться, чтоб издать поистине волчий рёв и молниеносным движением выхватить из пальцев всю прядь полностью.

– Где он и что с ним?! Говорите, или убью!

Эльфрида против воли вздрогнула, но овладела собой и продолжила в том же духе:

– Он ранен при похищении и пока лежит взаперти. Но я могу провести Вас к нему по потайному ходу, вот и всё.

– Где это находится?! – проревел он чуть тише, но не намного.

– Мы в пятидесяти метрах от входа, да там внутри идти чуть побольше. Проблема в том, что его нужно нести, а ход очень узкий, и я одна не могу поднять мужчину его комплекции. Вот и всё.

– Охрана? – голос Миттельмайера напоминал сейчас удары хлыста, причём металлического.

– Она вся пьянствует вне камеры, где он лежит, а мы зайдём изнутри.

– А почему я должен верить, что эти сведения верны? Может, он уже и мёртв, например?

Эльфрида заметно смутилась и не сразу нашлась, что ответить.

– Адмирал, я... мне нет смысла... и потом, он очень плох, поймите это!

– Во-от как, – протянул он из темноты салона таким тоном, что абсолютно было непонятно, что за ним стоит. – Вы ставите меня в неудобное положение, сударыня. Вообще-то я склонен Вам не верить и послать с Вами доверенное лицо, но... если Вы вдруг отчего-то не солгали, то прославлюсь не я, и толку не будет. А проверить Ваши сведения мне полагается по должностной инструкции, и придётся из этих соображений этим заняться. Чёрт бы побрал это всё, право...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.